

Владимир МОШИН

ДРЕВНЕЙШИЕ МАКЕДОНСКИЕ КИРИЛЛОВСКИЕ РУКОПИСИ

1. Новгородские листки X в. открытия второй половины XX столетия и проблема орфографическо-палеографического метода для определения древности рукописей старославянского канона

В моем последнем труде о Новгородских листках, как остатке македонского, царь-Самуилова кодекса, послужившего оригиналом для Остромирова евангелия¹, мне пришлось не без известного огорчения отказаться от традиционного убеждения, до последнего времени исповедуемого высшими авторитетами в области славяноведения, как И. В. Ягичем, В. Н. Щепкиным, Н. М. Каринским и Ф. Ф. Фортунатовым², до К. Мирчева и Хр. Кодова³, о решающем значении потребления глухих при определении древности старославянских рукописей, такие как и от укоренившейся веры в первенствующую роль восточно-болгарских оригиналов на Руси при формировании каллиграфического рукописного устава XI века. Эпиграфические открытия второй половины нашего столетия⁴ с неопровержимостью показали, что уже в X веке на славянском Балкане исчезли мягкие согласные, что уже со второй четверти этого века выразилось в одноеровых текстах и в двуеровых с бессистемным смешением твёрдого и мягкого ера, как это показала в своей работе О. Неделькович.⁵ В противоположность этому, в Восточной Европе и до настоящего времени сохранились мягкие согласные, так что любой человек, независимо от степени образованности, ясно различает твёрдые и мягкие согласные в окончаниях слов /пользуюсь твёрдым и мягким знаками – рабъ и рябь, новъ и новь, мѣдъ

и мѣдь; мужъ, ножъ и рожъ, ложъ, рѣзь и рѣзь, пылъ и пыль; самъ и семь, законъ и конь, сапъ и сыпъ, старъ и царь, русъ и Русь. рись и рысь, братъ и брать, мифъ и верфъ, луч/ъ/ и ночь, ковш(ъ) и мышъ, лещ/ъ/ и вещь (нет мягкости у глухик г, к, х и ц). Поэтому в русских рукописях нет ошибок в различении твёрдых и мягких слогов и Остромирово евангелие систематически исправляет разночтения Новгородских листков согласно русскому произношению. В то же время различие эволюции южнославянских и восточно-славянских языков выразилось и в судьбе носовых гласных в данную эпоху.

В X столетии на Балканах ещё точно различаются юсы, как между собою так и от соответствующих чистых гласных – оу, ю, а, я, э. Между тем на Руси уже в середине XI столетия – в Остромировом евангелии и в Святославовом Изборнике 1073 г. – носовой призвук был уже в последней степени отмирания, а на переходе в XII век юсы и совсем вышли из употребления, кроме малого юса сохранившегося в рукописях в роли графического дублета ѣ после согласных.

Всё это нашло полное отражение в Новгородских листках, где с одной стороны видим бессистемное смешение глухих, которое систематически исправляется в Остромировом евангелии, а с другой стороны ‘безошибочное’ употребление юсов, которые в Остромировской копии содержит пример ошибочной замены оу – большим юсом в слове възвѣждж, / Н.Л.р.64 – възбоудж, /– от глагола боудити.

Вместе с тем, как уже упомянуто, Новгородские македонские листки побудили меня изменить воззрение и на проблему руководящей роли восточно-болгарских образцов при создании русского каллиграфического устава XI века. Прежнее убеждение было внушено ещё Востокову Святославовым Изборником 1073 г., списанным на Руси с рукописи Симеона Великого, когда ещё не были известны македонские рукописи Климентовой Охридской школы.⁶ Нельзя забывать, что период „золотой школы“ Симеона болгарского был на Руси ещё эпохой язычества при Вещем Олеге и молодом Игоре и что Симеоновы сборники могли попасть в руки Святославу при его первом завоевании Преслава 968 г., когда были посланы в Киев вместе с другой военной добычей. Напомним, что после ухода Святослава из Болгарии в 971 году царь Иоанн Цимисхий ликвидировал Болгарское царство, отведя молодых сыновей царя Петра, Бориса и Романа, вместе с болгарским патриархом в Византию, и трудясь на укреплении северо-восточной границы против Руси. Лишь после смерти Иоанна Цимисхия Самуилу Македон-

скому, восстановителю государственно-правовой идеи Симеоновой империи, удалось в 976 г. завоевать бывшую болгарскую столицу Преслав и на нижнем Дунае стать соседом Руси. Принятие св. Владимиром христианство происходило при Самуиле после его завоевания Восточной Болгарии и введения славянского богослужения на Руси не могло происходить без живых политических и культурных связей между Русью и империей Самуила в период до нового византийского завоевания Преслава в 1001-вом году.

Возвращаясь к исследованию Ольги Неделькович о ерах древнейших эпиграфических памятниках на Балканском Полуострове, считаю нужным подчеркнуть, что автор, основываясь на опубликованном эпиграфическом материале, изучает надписи по всей территории южнославянских языков на протяжении от X до XII вв. Древнейшие сохранившиеся графиты в развалинах Преславского храма с конца IX и начала X века из периода постройки Округлой церкви и принаравления древней кириллицы к новосозданной Кириллом глаголице, заимствуя из последней буквы Б, еры с ятью и др., употребляют глухие этимологически правильно, как в имени царя Бориса и Симеона, так и в других словах как на пр. “кърстъ” и др. Точно так-же и в надписи монаха Анании в развалинах крепости Ескуса на Дунае на высеченной в камне антибогумильской надписи второй четверти X века полугласники употребляется этимологически правильно.

Между тем, в том же периоде к середине X в. вдруг появляются одноеровые тексты: На добруджанской надписи 943 г. о борьбе жупана Димитра с греками, в четырёх строках текста сохранены три мягких ера, а на надписи в Теке-Козлудже, вблизи древней столицы болгарских ханов, Плиски, находим систематическое употребление твёрдого ера из того же периода; в слабом положении в середине слова еры ещё сохраняются как и в конце слова. Как пример этимологического отступления в этом памятнике можно привести “създавъшае”, где можно было бы после буквы з ожидать мягкий знак / там же, 11/.

Надпись Хартофилакса Павла, палеографически приближающаяся к надписи Алиата Стратилата 971 г., имеет ётованное е, как в Новгородских листках из посл. четверти X в.

Период Самуиловой власти в Преславе после освобождения от Византии в 976 г. идут несколько надписи. Во первых керамические плитки с надписями имён Варвара и Полукарпъ, палеографически однородные с Новгородскими листками, и две надгробных надписи. Первая из них Тудорина надгробная плита: “Памятник не содержит ни одного ера: выпущен три раза в конце слова – гроб, ѳсм и от...

Судя по написанию буквы ы надо думать, что писавший пользовался только мягким знаком” /там же, 12/.

В гробнице чергубиля Мостича, найденном в с. Селиште вблизи Преслава, сохранялись мощи знатного болгарского вельможи, который судя по надписи на гробнице занимал высокий пост при царе Симеоне Великом и при его сыне, царе Петре /927-969/, но потом принял монашество и прожил в монастыре до своей смерти. По мнению Веры Ивановой эта смерть могла произойти в третьей четверти X века, но судя по положению костей И. Гошев заключает, что гробница была построена позднее. Это даёт мне право предполагать, в связи с палеографическими и орфографическими данными, о создании гробницы лишь в эпоху Самуила, после освобождения Преслава от греческой власти, между 976 и 1001 г. Что касается правописания О. Неделькович говорит: „Надпись употребляет оба ера: лежитъ, лѣтъ, оставивъ, быстъ, въ, съде, мостичъ, вьсе, жизнь, томъ, чръгубыля, чръгубыльство чръноризыць. В последних трёх примерах как и в слове съврѣши группа ѣр представлена в согласии со старославянской нормой. Как обратила внимание и Вера Иванова в тексте находятся и случаи этимологической замены ь и ѣ знаков: съврѣши вм. съврѣши /Зл.ед.ч.аориста/, десѣтъ вм., десеть /ген.мн.ч./. Примеров редукции и вокализации нет. /там же, 12/.

Знаменитая Самуилова плита найденная в селе Германе на берегу Преспанского озера 1888 г., а в настоящее время хранящаяся в Софийском музее, была поставлена 993 г. в память его родителей, жупана Николы и матери Рипсимии и брата Давида. Ольга Неделькович указывает, что памятник „употребляет оба ера. Они нигде не выпущены; ь правильно употреблѣн в словах: азъ, рабъ, усыпѣш/иихѣ/, Давидъ, отъ сѣтво/рениѣ/; ѣ: ѡъца, памать. Первое отступление встречается в слове крѣстѣхъ с ь вм. ѣ, после р можно было бы рассматривать как результат раннего отвердения буквы р палатальной в данном месте. В примере икъди/кта/ ѣ представляет секундарное появление ѣ между соседними согласными нд в греческом слове „индикт“. /там же 14/.

Так называемая Варошкая надпись 996 г. написана на столбе находящемся в церкви св. Архангелов в пригороде г. Прилепа – в Вароши: говорит о смерти епископа Андрея, 17 февраля 6504 г. Написана уставными буквами, с украшениями, в двухлинейной системе, с удлинѣнными линиями в буквах ф и у, и с частым употреблением надстрочных букв в сокращениях очевидно отвечающих тогдашней орфографической практике. Оба ера в предлоге въ и в сокращѣнном написании /е/п/иск/опъ – этимологически правильны.

Особое значение для палеографического и орфографического сопоставления с новгородскими листками принадлежит Битольской надписи, найденной в г. Битоле 1956 г., когда она служила порогом в Чауш-джамии/мечети/, а первоначально, вероятно находилась на городской стене, м.б. над городскими воротами. Написана царём Иоанном Владиславом /1016-1018/, сыном Самуилова брата Аарона, в которой упоминается победа братьев над Греками, 17 августа 986 г. и о позднейшем трагическом поражении Самуила и о его смерти 1014 г. /дата стёрта ногами посетителей/. Достаточно большой текст в 12 рядов, со стёртым текстом в нижнем левом углу. написан красивыми уставными буквами. Каллиграфически высеченные буквы имеют архаические формы: „а“ с заострённой петлёй, „в“ с раздвоенными петлями „з“ с длинным хвостом, у „ь“ верхняя горизонтальная чёрточка над мачтой, а у „ѣ“ поперечная; чёрточка сразу над петлей. Что касается еров, О. Неделкович пишет: „Имеются много примеров употребления обоих еров, которые в значительном числе этимологически мешаются. Правильно употребляется ѣ в примерах: аплѣ /ген.мн.ч./, /сѣзид/аетъ /ном. ед.ч./, дѣлаеть /ном.ед.ч./, въ- – два раза, а ѣ: жизнь /ак. ед.ч./, родомъ /инстр.ед.ч./, црь /ном. ед. ч./, благовѣрну /ген. дв.ч./, самодръ /жавънаго /ген.ед.ч./, коньчѣ са /Зл. ед. ч. аориста/. Но этимологически неправильно: в финальной позиции –самодръжъцемъ /инстр.ед.ч.- и с ѣ после ж/, сынъ /ном. ед.ч./, градъ – два раза /ном. и ак.ед.ч./, врховънюю /ген.дв.ч.с ѣ вм. ѣ в суф. овънъ/, дѣланъ /ном ед.ч./, бысть /Зл.ед.ч.аор./, начать /Зл.ед.ч.аор./, взято /ном.ед.ч./, отъ /предлог/, съ – два раза /указ.мест./.

Особенно бросается в глаза смешание еров в разных примерах одного и того же слова: бльгаромъ /дат.мн. ч., бльгаринъ /ном. ед.ч./, бльгарско/го/ /ген. ед.ч./.

Группа еров с плавными р и л отвечает старославянской норме – бльгарско/го/, самодръжъцем. В трёх случаях пропущены еры: Ишаном; в конце слов: кде и створения в так называемой апсолютно слабой позиции. Сохранившаяся часть текста не даёт ни одного примера с секундарно вставленным ером“. /гам же, 14-15/.

К той же группе присоединяется и т. наз. Темничская надпись, найденная вблизи г. Крушева. в посёлке Горни/Верхнии/ Катун, хранящаяся теперь в археологической коллекции белградского Народного музея, и в копии Музея древней письменности в г. Охриде. На этой квадратной дощечке имеются имена десяти мучеников из числа сорока мученика Севастиийских и предполагается, что первоначально существовали и три подобные дощечки с именами остальных тридцати мучеников, м.б. размещённых по четырём сторонам алтарного престола в некогда существовавшей церкви,

посвященной сорока мученикам. Каллиграфически написанный текст заканчивается фразой: „Молите бога за ны“. По форме букв и правописанию Люб. Стоянович датировал надпись X-XI веком. О. Неделькович говорит о ней: „Здесь находим славянизированные греческие имена десяти из числа сорока мучеников. При шести именах находим ь в конце слова, а при четырёх конечный ь выпущен. Особенно интересны два имени - Заньтиась/Ксаньтиась/ и Ёклъдик. В первом имени вставлен ь в группу согласных нт; во втором имени согласная л по греческому написанию лишняя. Стоянович по этому поводу констатирует, что писец сделал ещё одну ошибку поставив после л ь /благодаря чему верхние крючки оказались связанными/, или м.б. между буквами к и л хотел вставить ь, так же как и во втором слове первой строчки между н и т ставил ь. Эту ошибку не исправлял ничему. Следует упомянуть, что в данном памятнике в двух местах находим особую форму буквы л с молоточком на правой стороне, который и в буквах н и м известен и по некоторым древним рукописям, как по Хиландарским листкам, Чудовской псалтыри и др. Эти, согласно Щепкину, »в древнеболгарских рукописях должны были встречаться нечасто, ибо выражали диалектические факты языка«. Появление этого крючка в функции обозначения мягкости иллюстрирует факт процесса депалатализации этимологически мягких согласных, что вызвало потребность введение особого знака для обозначения сохранившейся мягкости определённых согласных. /там же, 15/. По определению П. Лаврова Хиландарские листки имеют буквы л, н, и з с добавочным крючком с правой стороны в значении ль, нь и дз, где упомянутый крючок обозначает сокращённую букву г, служащую для обозначения мягкости.⁷ Со своей стороны считаю нужным подчеркнуть, что во первых буквы л и н в южнославянских языках сохранили и до сих пор свои мягкие варианты, что побудило и Вука Караджича ввести в свою азбуку особые легатурные варианты с петлёй мягкого знака, а во вторых, что палатализованный вариант буквы зг /дз/ указывают на определённую диалектическую область – Серский край в Егейской Македонии, сохранивший до сих пор эту диалектическую особенность. Это побудило меня на гипотезу о Кратовской области, находящийся между болгарскими и македонскими диалектами и как предполагается, сыграла свою творческую роль в период формирования южнославянской письменности.

Резюмируя данные эпиграфических текстов болгарской и македонской территории от конца IX до исхода X столетия, О. Неделькович говорит:

„1/что при конце IX и начала X в. оба ера этимологически употребляются правильно, в кирилице и глаголице;

2/ к середине X в. тексты одноеровые и двуеровые со смешением еров, представляющем результат депалатализации согласных;

3/ к концу X столетия рядом с этим появляются и частые случаи вставок вторичных еров в греческих словах и примеры с выпущенными полугласниками, как в середине, так и в конце слов.“ /там же, 13/.

Всё это находит полное подтверждение и в Новгородских листках чьё южнославянское происхождение с очевидностью вытекает из противоположности результатов эволюции восточнославянских и южнославянских языков в X и XI вв. – с одной стороны сохранение паралелизма твёрдых и мягких согласных на Руси и исчезновение мягких вариантов на Балканах приведшее смешению еров, и с другой стороны полная правильность употребления носовых гласных у Южных Славян и отмирание назалитета в русских говорах выразившееся в смешении юсов между собою и с чистыми гласными.

Южнославянское происхождение Новгородских листков подтверждается и судьбой еров в сложных слогах с плавными р и л – еры после плавных что Остромирово евангелие исправляет согласно русскому правописанию. На букву л имеются два примера: слънце р. 98 – Остр. слъньце; р.87 мълнига – Остр. мълнига, а на группу рь четыре примера: р.99 мръкнеть – Остр. мръкнеть; р.97 по скръби – Остр. выпускает надстрочный знак; два примера на слово съмръть – р.25–26 къ съмръти – Остр. выпускает надстрочный знак; и р.69 о съмръти – Остр. переставляет ь перед р о съмръти, а после р ставит надстрочный уголок в смысле “внимание” в сравнении с подлинником.

Специально македонское происхождение новгородских листков явствует:

1. из смешения ѣ и га в примерах: волѣаше – Остр. испр. волѣаше; любѣше – Остр. испр. любѣаше р.30; р.89 гавлѣється, Остр. гавлається.

2. из вокализации еров с чистыми о и е два примера на ѣ-о.: р.118 гласомъ, великомъ – Остр. испр. по ст.сл.традиции на гласъмъ, великъмъ и слово тогда вм. тьгда р.34, 72, 105, 108 – Остр. оставляет форму оригинала поскольку и в русских рукописях ѣ имеет рефлекс о.

Как это отметили И. Срезневский и Н. Каминский, уже самый состав азбуки Новг. л. носит следы архаического правописания без буквы щ /только шт, как в Супрасльской рукописи/, без зело, а букву еры только с ъ. Из приведенных ими данных заслуживает внимание появление десятиричного і только в сокращённой форме имени Їѣ /Остр. Їиѣ/ и в роли йоты в йотованных гласных ѡ, ѣ/ главным образом в начале слов/как и при юсах ѡж и ѡ; в окончаниях слов имён существ. и прилаг. в склонении везде находим обычно восьмеричное и с прибавлением йотованных гласных иѡ, иѣ, иѡ, иѡ. Буква у является только в форме оу и в сокращённой форме еу/в слове еуангеліе/.

Как уже упомянуто, Остр. ев. систематически исправляет все случаи неправильного употребления полугласных; так же как и все случаи пропуска еров, в частности во всех формах слова дни; ъ знак заменяет ь:р.23, 34 болить – болить, 25 болѣзнѣ–болѣзнь, 52 въ–въ, 57 ходить–ходить, 62 Лазарѣ–Лазарь 91 пришѣствиѣ–пришѣствие, 122 четырьѣ–четырь, 1.29 вѣдетѣ–вѣдетъ, 140 съ–съ, 154/5 небесѣнии–небесънии, 155 тѣкмо–тѣкъмо.

Выпущенный мягкий знак: 37, 157 дни–дъни, 52 въ дне–въ дъне, 56 кто–къто, 98 днии–дънии, 138 амин–аминь, 151 о дни – о дъни.

Ѧ испр. на ѡ: 32 Лазара–Лазарѡ. 110 вса–въса, 135 вса–вса.

Ѣ испр. на ѣ: 21,80 немоу–нѣмоу, 35, 59, 60 на немѣ–на нѣмѣ, 117 посѣлетѣ–посѣлетъ, 134 егда–ѣгда.

Переходя на проблему палеографического критерия нужно упомянуть что помимо общих замечаний о характере письма Новг.л.со стороны всех учёных занимавшихся этим памятником, наиболее детальный обзор у Н. Каминского находится во второй главе посвящённой палеографическим наблюдениям. При этом он подчёркивает мнение первого издателя памятника А. Ф. Бычкова /1875 г./ о сходстве заглавных букв этого текста с теми же в Изборнике Святослава 1073 г. и на впечатление И. Срезневского и Ф. Фортунатова о наибольшем сходстве письма Новг. л. с формами Остр. ев., а так же и на мнение П. Лаврова, что по каллиграфическому совершенству этого письма, оно могло бы служить “образцом таких оригиналов, которые были распространены в Восточной Болгарии”. Сам Каминский с большим вниманием сравнивает это письмо с древнейшими славянскими рукописями: Саввиной книгой, Супрасльской рукописью, Хиландарскими листками, листками Ундольского, Остромировым евангелием и Святославовым Изборником

1073 г., и приходит к выводу, что мнение И.Срезневского, Ф. Фортунатова и П. Лаврова о сходстве письма Новг. л. с Остр. евангелием может быть принято лишь с известными ограничениями”.

Буква а верхний конец которой несколько согнут влево и петлю начинающуюся от верхнего конца и всегда опускающуюся до нижней линии.

Буква б имеет большую нижнюю петлю поднимающуюся немного выше от середины мачты и в этом имеет сходства с буквой в.

При букве в бросается в глаза неодинаковость меньшей верхней и больше нижней петель, которые не соединяются одна с другой с очевидным расстоянием при мачте. Согласно с Супрасльской рукописью в отношении к различной величине обеих петель, Каминский подчёркивает значение упомянутого расстояния, отсутствующего у других приведенных рукописей. Со своей стороны могу привести аналогичное явление буквы в слове Варъвара на керамической дощечке в развалинах Преславской церкви и на Битольской плите 1017 г., а так же на Темничской надписи X века.

Буква зело (ѣ) не встречается ни в фонетическом, ни в числовом значении.

Буква з напоминает по форме то же слово в Святославовом Изборнике 1073 г., поскольку отличается особенно длинным хвостом опускающимся до следующей строки, а иногда пробирается между буквами в ней. То же явление находим у букв р, у, х и ц.

Буква и имеет поперечную чёрточку над серединой мачт, верхние части которых несколько сближаются.

У буквы к правая черта иногда отделяется от мачты, как в древнейших рукописях Саввиной книги и в Супрасльской рукописи, особенно на керамической дощечке из Преслава в слове Полукарпъ/И. Гошев, уп.соч.124, обр.101/.

Пропуская несколько следующих букв тогдашнего общего типа, приводим по Каминскому данные о букве т, верхняя горизонтальная которой часто имеет более длинный левый конец, несколько опускающийся подобно начертанию Супрасльской рукописи и особенно в Святославовом Изборнике 1076 г. То же явление Каминский приводит у букв ѣ и ѿ.

Буква оу является только в сложной форме, тогда как буква ипсилон имеется только в греческих словах муръмъ и в сокращении еу/еу/анге/лие.

Буква ч обычно имеет узкую и мелкую чашечку, которую встречаем в Супрасльской рукописи, а такая же и в Битольской

надписи 1017 г., тогда как в большинстве старославянских памятниках чашечка длиннее и более закруглённая.

Буква щ в Новг. л. не встречается, а только шт как и в Супр. р., но в Остр. ев. шт часто заменяется с буквой щ.

Буквы ъ, ѓ, њ, ы имеют маленькую петлю; њ имеет сверху горизонтальную чёрточку, которая иногда протягивается влево, что делает эту букву похожей на ѓ. У буквы ъ поперёчная чёрточка находится в середине верхней части мачты.

Буква ѣ, как узкое о имеет в середине поперёчную чёрточку левый конец которой опускается, как у букв ъ и т.

Резюмируя приведенные данные Каминский подчёркивает четыре явления которыми Новг. л. отличаются от Остр. ев. 1/ разделённость петель у буквы в; 2/ длинный и заострённый хвост у букв з, џ, ѡ, ц; 3/ узкая и мелкая чашечка у буквы ч и 4/ мелкие петли у букв ъ, њ, ы и ѣ.

Каминский присоединяет и следующие данные: 1/ о форме титла над буквами заглавий в форме лука, а в тексте над буквами числового значения – как ровная чёрточка с загнутыми краями; 2/ о заглавных буквах в тексте, которые полтора раза больше обычных, которые немного поднимаются над строкой и опускаются под неё, а когда находятся в начале строки немного выдвигаются влево; 3/ о двух красочных инициалах в и р геометрического стиля, со следами употребления золота и 4/ о заглавиях эвангельских чтений писанных золотом, по словам Симони, греческими буквами.

Если, действительно, существует сходство между Новг.л. и Остр. ев. приходится это считать результатом подражания писцов Остр. ев. письму своего македонского оригинала. Между тем, те начертания букв, которые Каминский приводит как различные, очевидно отвечают предшествующему стадии палеографического развития кириллической письменности. Это: 1/ буква в с раздвоенными петлями; 2/ буква и с мачтами сближающимися вверху; 3/ буква з с очень длинным хвостом спускающимся до нижней строки, а иногда входящим в промежутки между её буквами; 4/ буква ч с узкой и мелкой чашечкой и 5/ буквы ъ, ѣ и т с поперечной чёрточкой, левый конец которой спускается вниз; – все эти начертания находим в эпиграфических памятниках X века, в частности в керамических табличках в развалинах Преславской церкви и на Битольской плите 1017 года.

Как уже упомянуто, первый издатель Новг. л. обратил внимание на сходство прописных букв этого памятника на заглавные

буквы Изборника 1073 г., который, как известно, является копией сборника писанного в первой четверти X века для болгарского царя Симеона Великого /893-927 г./ . Нужно думать, что тот оригинал продолжал каллиграфическую традицию письменности Кирилло-Мефодиевской эпохи и та же традиция отразилась и в Изборнике 1073 г., так же как перед тем в Новг. л. конца X в.

Таким образом с одной стороны орфографическо-палеографический анализ показал полное совпадение Нов. листков с языковой эволюцией южнославянских эпиграфических памятников X столетия, а с другой стороны их детальное сравнение с Остр. ев. 1056-57 годов подтвердило факт непосредственной приемственной связи последнего русского с первым, македонским памятником. как своим оригиналом. Этот был в 991 г. первым епископом Новгорода. Иоакимом Корсунянином, привезен из охридской области в Новгород, где послужил в середине XI в. оригиналом для каллиграфического копирования. В связи с этим не может подлежать сомнению необходимость фундаментальной ревизии хронологического определения остальных южнославянских рукописей архаического периода, которые по двухсотлетней традиции до сих пор относились к XI или XII веку. В данном случае я имею в виду ещё 10 памятников. Три из них представляют целые или неполные рукописи Саввину книгу – апракосное евангелие, Сборник мученических житий и святоотеческих проповедей за март месяц – так наз. Супрасльской рукописью и довольно значительную часть Энинского апостола; затем семь отрывков: Хиландарские листки из проповедей Кирилла Иерусалимского, евангельские листки Ундольского, отрывок Ресенской триоди, отрывок Слуцкой псалтыри, Македонский Кирилловский листок с отрывком Мефодиева послесловия к переводу Нового Завета, Зографские листки с отрывком проповеди о взаимной духовной поддержке в монашеском быту и последний, Новгородские листки.

Одна из этих рукописей – Зографские листки с правильным употреблением еров, должна быть отнесена к первой четверти X в., Слуцкая псалтырь и четыре одноеровых текста – Македонский листок, отрывок Ресенской триоди, листки Ундольского и Энинский апостол – ко второй четверти X в., три рукописи – Хиландарские листки, Супрасльская рукопись и Саввина книга – к третьей четверти X в. и последняя – Новг. листки – к последней четверти того же столетия до 991 г., когда была перенесена в Новгород. Все эти рукописи отличаются следами архаического периода в составе азбуки и в правописании и все они обладают надстрочными знаками, явившимися в славянском письме в процессе постепенного

приспособления “неустроенного греческого письма” к фонетическим особенностям южнославянских говоров.

Ученик св. Кирилла и апологет его филологического творчества, инок Храбр свой трактат о “писменехъ” начинает сообщением, что в период язычества Славяне не имели своей азбуки, а писали и гадали “чертами и резами”, а после крещения пользовались чужим письмом, латинским или греческим. Но, продолжает Храбр “как можете написать чужим письмом слово бог и т.п. из чего видно, что он имел в виду именно греческий язык, ибо в латинском буква б существует, а в греческом слово “бета” уже выговаривалась как - “вита”, а вместе с тем существовал и ряд других изменений в греческой азбуке, где α произносилось как ε , ϵ , σ , η , υ /ипсилон/ как и. С другой стороны и славянские языки имели ряд звуков не существующих в греческом языке как шипящие ж, з, ш, ц, ч, щ, носовые, глухие и йотованные гласные, как и мягкие согласные. Всё это было осуществлено новым алфавитом “глаголицей” созданным Кириллом в 663 г. для перевода Святого Писания на славянский язык по просьбе послов моравского князя Ростислава для его государства. Но до этого момента, начиная с переселения Славян на Балканский полуостров и принятия христианства в шестом веке в течение трёхсот лет тянулся долговременный период пользования чужим письмом, т.е. “неустроенным греческим” и приноравления его к славянской фонетике. При этом нельзя терять из вида что процесс славянского переселения на Балкан происходил рядом разновременных переселенческих волн в связи или под давлением чужеземных орд - с Гуннами, Аварами, Уграми и др., по различным направлениям: с Востока через нижний Дунай, или с Севера – через Карпаты и Паннонскую низменность в западную часть Балканского полуострова, к Адриатическому морю, где они попадали в разнородную культурную среду под греческим или латинским влиянием. Результатом этого должны были явиться различные типы надстрочных знаков, которые в условиях формирования государственных образований и политических переворотов естественно приводили к новым культурным влияниям и смешению различных систем надстрочной нотации.

Проблема надстрочных знаков, как средство приращения греческого языка и правописания к фонетическим особенностям славянских говоров с помощью знаков греческой прозодической нотации ударений и придыханий вопреки предшествующему воззрению, формулированному Ягичем как “писарские мелочи, не заслуживающие серьёзного внимания” - была поставлена на переломе прошлого и теперешнего веков русскими филологами Грун-

ским⁸ и Каминским⁹ и чешским Вондраком.¹⁰ Тогда это было поставлено в применении к новооткрытому древнейшему глаголическому памятнику, Киевским листкам X в., с текстом православных песнопений в честь священномученика папы римского Климента в связи с Брижинскими, латынско-словенскими отрывками. В них действительно встречаются надстрочные знаки похожие на греческие прозодические знаки: акут, гравис, циркумфлекс и обе аспирации, т.е. спиритус ленис и спиритус аспер, но большей частью в других функциональных ролях принимая во внимание с одной стороны средневековое развитие греческой фонетики, а с другой стороны фонологические особенности южнославянских наречий, в первую очередь проблему мягких согласных, ютованных гласных, количественного различия долгих и кратких слогов и др. Критические замечания тогдашних авторитетов Ягича, Кульбакина, Томпсона, Трубецкого, Дурнова и др. чрезвычайно расширили проблематику надстрочных знаков Киевских листков, а с другой стороны самый факт западного, чешско-моравского происхождения этого памятника, при существовании латинских Брижинских отрывков, ставят вопрос о возможном влиянии западных нотаций прежде всего неумских/Бондрак, Сиверс, Кошмидер, Пешикан, Мольберг, Трагер, Вайнгарт, Якобсон, при чём особенно подчёркивается ритмично-музыкальная структура церковного текста, в связи с западными рукописями, Бамбергской Исповеди и римского мисала загребской Метрополитаны XI века/. В статье “Акценти или неуме у Кијевским листићима” /Слово 14, Загреб, 1964, 25-51/ О.Неделькович, принимая теорию греческой прозодической нотации в процессе приносовления к греческой азбуке к фонетике южнославянских наречий констатирует в Киевских листках наличие следующих знаков:

1/ лёгкое придыхание для обозначения а, е и ѿ в начале слов /которые могут быть йотованы/;

2/ тяжёлое придыхание /спиритус аспер в средневековой форме/ над начальными буквами о, оу, ї и ѣ, не подлежащими йотованию;

3/ лук кверху - для обозначения долготы долгих гласных;

4/ акут/оксия/ - как знак ударения на ударяемых слогах;

5/ гравис/вария/ - как и в старогреческом языке всегда стоит на последнем слоге, или на односложных словах не заканчивающих предложение, как над союзом да /7 раз/и т.д., а иногда /по Грунскому/ имеет значение логического акцента;

6/ кроме лука кверху, циркумфлекс часто является и в старогреческой форме уголка повернутого вниз на окситоном и

парокситоном слоге, преимущественно над долгими гласными, в результате контракции над дифтонгами и юсами.

Не входя в детали изложенной проблематики считаю нужным подчекнуть с одной стороны, что значительное число знаков из глаголических Киевских листков действительно встречается и в древнейших кириллических рукописях при наличии в глаголической группе нескольких знаков, несомненно, западных нотаций, что бы шло в пользу Мольберговой гипотезы о Кирилловом авторстве данного текста во время его приезда в Рим с мощами св. Климента папы римского.¹¹ С другой стороны видно пренебрежение к свидетельству инока Храбра, что кроме глаголицы созданном Кириллом в 663 г, для Моравии, существовало и употребление “греческого неустроенного письма”, которая в течение трёх столетий должно было принаравляться к звуковой структуре южнославянских говоров. Тогда как данный процесс в кириллице был очевиден и неизбежен, до момента окончательного согласования кириллицы с глаголицей на рубеже IX и X вв. в Школе Симеона Великого, для глаголицы этот процесс был предупреждён самим созданием новой азбуки и предшествующая эволюция кириллицы представляла Кириллу возможность перенесения в новую азбуку результатов исторического формирования кириллицы. Возможно при этом было принято и известное влияние со стороны западных нотаций. При этом следует иметь в виду что евангельский текст Новгородских листков сохранил пока единственный пример кириллического текста совместного употребления двух нотаций – граматической – прозодийской, писанной обычными чернилами, и экфонетической, писанной красными чернилами.

Впервые на экфонетические знаки в Новгородских листках обратил внимание И. Срезневский в одной статье данного памятника - 7 знаков “как бы для пения”: оксию, варию, три точки/кендему/, параклитик/похоже на число 31/ и ещё две своих реконструкции знаков похожих на апостроф и циркумфлекс. Кроме того в тексте приводит телию и гипокризис, вероятно считая их украшениями/крест и три вертикально поставленных запетых/. В то время, в середине прошлого столетия, Силвестр в своём альбоме греческой палеографии опубликовал снимки евангелия с экфонетическими знаками, так же как и в России епископ Савва Можайский в своём альбоме в 1863 г., но музыковеды до середины нашего столетия ещё не занимались экфонетической нотацией и потому и Каминский в своей статье о Новгородских листках не посвятил им особого внимания, и до моего исследования в археографических приложениях № 5, Белград 1983 не существовало точного издания этих

знаков. Теперь имеем возможность с полным правом в комплексе надстрочных знаков выделить две группы: а/группу экфонетических знаков, которые обозначают повышение или понижение интонации с паузами и другими модуляциями при выразительном чтении текста Св. писания - оксию и варию с двойными оксией и варией, катисти, кремасти, апостроф, сирматику, параклитик и гипокризис с телией, кендему/.../; б/группу архаических знаков первобытной кириллической нотации грамматического смысла на базе классической прозодийской нотации – точки за обозначение йотации гласных и за палатализацию мягких согласных, горизонтальный лук над двойными гласными, омегой и юсами, особые угловатые знаки за смягчение гласных, апострофы над ерами или для обозначения место их пропуска между согласными /паерки/.

II. Саввина книга

Переходим к рукописям той же категории т.е. к тем которые соответствуют с приведенными лингвистическими явлениями – синхронизмом правильности употребления носовых букв и исчезновения мягких согласных, проявившегося в одноеровых текстах и двуеровых со смешением еров, как и по следам архаического южнославянского правописания, следует перенести в X столетие.

Здесь первое место занимает Саввина книга, македонское апракосное евангелие, почти идентичное с русским Остромировым евангелием, ещё более с его македонским оригиналом, остатком которого являются Новгородские листки. Эта рукопись на пергаменте в малую четвёрку 17,5 x 14,5 см. в 165 листов с 19-тью строками на странице. Первых 24 листа и 12 листов перед последним листом присоединены позднее вместо потерянных, написанные русским писцом, по Щепкину, в 14-м веке. Памятник хранится в Московском архиве древних актов, в собрании Типографской библиотеки, основанной в середине 17-го века в связи с деятельностью патриарха Никона на исправлении богослужебных книг. Сюда вошло большое число книг, привезенных в то время с Востока экспедицией Арсения Суханова, и наличие в памятнике упомянутых листов русского письма 14-го века, заставляет предполагать, что рукопись уже в глубокой древности была из Македонии перенесена в край, где должен был находиться русский монастырь, где, вероятно на св. Афонской горе, она была пополнена и откуда её мог привести в Москву Арсений Суханов. Последний 165-ый лист, с текстом последнего воскресного евангелия, написан более крупными буквами, но того же типа как и главный текст.

В Типографской библиотеке в 60-х годах 19-го столетия открыл эту рукопись И.И. Срезневский первым изучивший текст и опубликовавший в своих „Древних слав. памятниках юсового письма“, Спб, 1868, ч. I, стр. 7-20 (описание) и ч. II, 1-154 (только древний текст). Следующее издание подготовил В. Н. Щепкин под названием „Саввина книга“, Спб, 1903, с 4 фототип. снимка в серии „Памятники старославянского языка“, т. I, вып.2, издаваемой Отд. рус. яз. и слов. АН. Ср. того же автора „Рассуждения о языке Саввиной книги“, Спб 1899 (прим. No 2) как и И. Срезневский, Щепкин публикует только старославянский текст, выпуская прибавления в начале и в конце книги. В изд. Срезневского текст печатается по порядку следования в листах рукописи; у Щепкина текст восстановлен по порядку евангельских чтений, сохраняя существующую нумерацию листов. Таким образом сохранившийся древний текст содержит: 1. Чтения пасхального цикла от субботы 6-ой седмицы л. 25-108; 2. Месяцеслов с чтениями на праздники, от 1 сент. до 30 июня, где перерывается в конце чтения на праздник ап. Варфоломея и Варнавы, л. 108-123, а 39 листов на соответствующие места переброшаны в предшествующий текст; 3. Лист 164 с концом посл. ев. от Иоанна XXI, 4-14. Затем следует заключительная заставка и две трети пустого листа в нижней части страницы. Перечень неточностей в издании Щепкина привёл Н. Каринский в Изв. Отд. рус. яз. и слов. АН, т. 19, кн. 3, 1914, стр. 206-216.

Вангелица Папазисовска-Десподова в своей работе о Саввиной книги на Скопско-штипском симпозиуме в память 1100-летию смерти Кирилла Солунского 23-25 мая 1969 (Зборник Кирил Солунски 2, Скопје, 1970, стр. 301-316) в обзоре позднейшей литературы подчёркивает значение работ В. Ягича в его „Архиве славянской филологии“, т. 5, стр. 580-612, Лескина 1905 г., о ерах, Вондрака и Барбулеску о происхождении Саввиной книги в Даничичевом Сборнике 1925 г.; Погорелова „Опыт изучения текста Саввиной книги, 1948; Мошинского, О древнейших старо-церковнославянских текстов евангелия 1968; Кульбакина 1948; Ван-Вейка 1957 и Горшкова 1963 о старославянском языке.

И. Срезневский в приведенном капитальном труде в вводной главе „Обозрение древних старославянских памятников югозападного юсового письма“, поставил в данную группу Саввину книгу, наряду с Супрасльской рукописью, Хиландарскими листками, Листками Ундольского и Македонскими листками. Потом в особых главах потчёркивает особенности правописания и языка, как смешение ѣ и ја, переход еров в о и е и др. В противоположность этому, Щепкин склонился к традиционному воззрению русской филологии об

исконном влиянии Восточной Болгарии на формирование русской письменности, и, на базе анализа употреблений еров пришёл к выводу, что Саввина книга написана в Восточной Болгарии, увлекши за собой всю плеяду упомянутых авторитетов славистики.

В. Щепкин начинает предисловие своего труда констатацией что „в разряде старославянских памятников Саввина книга всего яснее выражает живой говор XI века и по вопросу о полугласных ъ и ь является в этом отношении главным авторитетом“. Приведенная констатация отвечала общему воззрению славистики на рубеже XIX-го и XX-го столетий. Между тем, как уже упомянуто, многочисленные эпиграфические открытия с начала второй половины XX-го века, как раз в области глухих, с очевидностью показали, что уже в начале X-го века в южнославянских языках процесс потери мягкости согласных отразился в появлении одноеровых текстов и двуеровых с бессистемным смешением редуцированных. Это нашло отражение (констатирано) и во втором издании „Русской палеографии“ В. Щепкина, выполненном его дочерью Марфой Вячеславной в 1967 г., где в примечании на странице 100 приведена Добруджанская одноеровая надпись из 943 г., и на стр. 34, где Саввина книга и Супрасльская рукопись цитируются как образцы южнославянского языка и графии X столетия, рядом с Самуиловой надписью 993 г.

Как и И.И. Срезневский, В. Н. Щепкин приводит список кирилловской азбуки, употреблённого в Саввиной книге: а, б, в, г, д, е, ѓ, ж, з, з, и, і, ї, к, л, м, н, о, п, р, с, т, уѣ, Ѹ, ф, х, ц, ч, ш, щ, ы, њ, ь, ю, ѣ, ѡ, а, д, ѣж, ѣз, ѣс, ѣт, ѣу, ѣф, ѣх, ѣц, ѣч, ѣш, ѣщ, ѣы, ѣѡ, ѣѢ, ѣѣ, ѣѤ, ѣѥ, ѣѦ, ѣѧ, ѣѨ, ѣѩ, ѣѪ, ѣѫ, ѣѬ, ѣѭ, ѣѮ, ѣѯ, ѣѰ, ѣѱ, ѣѲ, ѣѳ, ѣѴ, ѣѵ, ѣѶ, ѣѷ, ѣѸ, ѣѹ, ѣѺ, ѣѻ, ѣѼ, ѣѽ, ѣѾ, ѣѿ, ѣѺ, ѣѻ, ѣѼ, ѣѽ, ѣѾ, ѣѿ. Из этих букв зело, кси и копа употребляются только в числовом значении – з = 6, з̑ = 60, и с = 90. Пси встречается лишь в мелкой записи писца: „поп Сава ѡалъ“.

Буква а является в двух формах. Первый с мачтой наклонённой в лево, с петлёй начинающейся у верхнего конца и немного не доходит до нижней линии. Другая форма той же буквы – архаическая с треугольной петлей, как на пр. на л. 94: Лавров, репр. 25, р. 1 в словах: амин, р. 2 вамъ, васъ, р. 3 дастъ.

Буква б весьма схожа с той же в Новг. л. в отношении к большой тле заходящей над серединой буквы.

Буква в имеет архаическую форму с разъединёнными петлями, по Каминскому – меньшей верхней и большей нижней, как в Новг. л. и как в слово Варъвара на Преславской керамической дощечке, X века.

Буква д: с ножками под линией, иногда повернутыми влево.

Буква ж, как в Новг. л., из трёх пересекающихся прямых линий, и эпитафических надписях X века – как Добруджанской 943 г., чергубиля Мостича из второй трети X век и Самуиловой 993 г.

з, е в дух формах как прописное латинское s, повернутое влево или вправо.

Буква з имеет симметрические части и полукружный хвост, не протянутый до нижней строки.

Буква и с поперечной чёрточкой в середине или много выше; заменяется без правила; і с одной, двумя точками или без них.

Буква к из двух разделённых частей; правая похожа на косое г, подобно Новг. л. и эпитаф. надписям X в., как в Полукарпъ на Пресл. керамич. дощечке.

У буквы л левая черта тоньше правой.

Буква м со средней чертой, опускающейся угловато или закруглённо до нижней линии, как в эпитаф. надписях X в.

Буква н с косой чертой от левого верхнего края до нижней части правого над краем.

Буква кси, как в альбуме Лаврова, в нижней части похоже на з, а в верхней в форме чашки.

Буква о обычного узкого типа; широкое не встречается; у ѿ боковые овалы сходятся на высоте верхней линии.

У буквы р верхний кружок стоит на линии, а хвост спускается до нижней строки; в эпитаф. надписях – хартофилакса Павла, чергубиля Мостича, Самуиловой и др. стоит целиком в строке.

Буква с обычного типа, нет широкого с.

У буквы т концы горизонтальной черты не всегда одинаковой длинны; в Новг. л. левый конец часто длиннее правого, так же как у ѿ и ѿ.

Диграфное оу часто заменяется 8 (уком), тогда как ука нет в Новг. л. и эпитаф. надписях X в.

У буквы х черта влево спускается под строку, а черта вправо доходит до нижней линии.

Буква ц иногда, как в надписях, стоит хвостиком в строке, иногда хвостик спускается под строку.

Буква ч имеет глубокую чашечку в отличие от формы этой буквы с низкой чашечкой в Новг. л. и Супр. рукописи.

Буква **џ** с хвостиком под строкой, а один раз в форме **ш** с т сверху как уже упомянуто; в Новг. л. и Супр. рук. вместо **џ** всегда употребляется **шт**.

Оба ера пишутся правильно, при наличии промежуточных типов, как **ѣ** с горизонтальной чёрточкой сверху подобно найденному И. Срезневским в Нов. Еры мешаются как в Новг. л.; случаи перехода **ѣ-о** и **ь-е** подтверждают македонское происхождение.

Ы как и в Новг. л. – только с твёрдым ером; вторая часть этого диграфа – с точкой, двумя точками или без нее, а в одном случае, в слове **ѡзѡкомъ** вместо ера в диграфе стоит **о**. В связи с этим нужно упомянуть отмеченные Срезневским случаи замены еры малым юсом: с десетеричным **ї** – **сѡї, живѡї**.

В букве **ѣ**, которое часто мешается с **ѡ**, поперёчная чёрточка находится над петлёй в средней части мачты, тогда как в Супр. р. лежит над самым кружочком; ср. в Новг. л. верхнюю чёрточку с удлинённым левым концом, опускающегося вниз и аналогичные формы в надписях Мостича и Самуиловой.

Большой юс пишется правильно, а у йотованного юса передняя черта соединяется с буквой в её верхнем конце (без обычной чёрточки в середине).

Малый юс является в трёх видах: **ѡ, ѡ, ѡ**.

Буква пси в записи попа Саввы – **ѣалъ**, имеет форму креста.

Буква копа **ѣ** в значении числа 90.

В приведенном обзоре нередко подчеркнута сходство отдельных начертаний букв с архаическими формами Новг. л. и эпиграфических надписей X в. отодвигающих Саввину книгу. С другой стороны отмеченные различия начертаний в ряде букв находит своё объяснение в отличии общего типа обычного, более небрежного книжного письма Саввиной книги от каллиграфического „царского“ устава Новг. л. Аналогичное явление необходимо отметить и в отношении к надстрочным знакам, которые в обеих нотациях каллиграфических Новг. л. – экфонетической, обозначенной красными чернилами и грамматической, написанной обычными чернилами – имеют точные начертания точек, апострофов, циркумфлексов и с другой стороны более небрежное письмо Саввиной книги, имеющей только одну грамматическую нотацию многочисленных знаков, представляющих различные вариации точек с хвостиками и апострофов, которые В. Н. Щепкин в своём издании унифицирует в виде апострофа. Поскольку оны в своих мелких формах прибли-

жаются к точке Срезневский их, главным образом, обозначал как точку, очевидно не без влияния Новг. л., которые систематически употребляют точку как основной знак для обозначения нотации гласных и мягкости некоторых согласных, в частности над буквами л, н, р и некоторых других, как д и др. Многократным внимательным изучением имеющихся фототипий ряда листов Саввиной книги мне и моим сотрудницам удалось установить более или менее очевидные различия отдельных знаков, которые в своё время имели функциональное значение в истории обозначения определённых фонологических особенностей в южнославянских говорах.

В рамках проблемы твёрдых и мягких слогов уже Срезневский обратил внимание на многочисленные случаи употребления букв а, оу и ж вместо га, ю и љж в сложных слогах. Так для буквы а-га: *вса* 26, *всаки* 31, *всако* 69, *всацѣ* 125, *распыра* 30, *цѣра* 114, *разарааі* 119, *вараецѣ* 121, *съмираѣцѣі* 125, *съмѣраася* 62; для буквы оу-ю: *пѣназоу* 126, *по мороу* 40; для буквы ж-љж: *въ нж же мѣрж* 31, *азж* 32, *вечерж* 85, *творж* 25, 57, *разорж* 57, *оржцѣ* 64, *не мьнж* 64, *поклонжся* 112, *съблажнжся* 95, и др. С другой стороны, как исключительное явление („замечательно“) Срезневский приводит случаи употребления буквы ю вместо оу и ж после ж, жд, ч, ш и шт: *чюдишася* 88, *чюдися* 50, *чюдеся* 81, *чюхѣ* 52, *бывьшю* 34, 40, *пришьдѣшю* 36, *ошюљж* 70, *просащюмоу* 30, *тлѣкжщюмоу* 32, *имжщю* 43, *нищюмоу* 50, *сжщю* 68, *ошщю* 134; см. ещё ю : не ю бо 28, юже 68, ошю 30, 67, 68, цѣю, междю (стр. 16).

Что касается йотации с помощью ѣ, И. Срезневский указывает на употребление в гласных га и љж и очень редко в ѣе, приводя в скобках два примера за ѣгда и один за ѣго, с констатацией, что „если не употреблён знак йотованого е с помощью передней йоты, то её заменяет точка над буквой (стр. 15). Щепкин, заменяя точку Срезневского надстрочным апострофом, приводит в словаре 6 примеров ѣгда и 20 примеров егда с апострофом над а и ѣмоу два раза с многочисленными примерами его и емоу, ѣда 13 раз, еда 13 раз, ѣдин 3 раза, един 91 раз и ѣст один раз наряду с 45-ти случаями различных форм глагола есь с надстрочным апострофом.

Кроме упомянутых у Срезневского случаев употребления а, оу, и ж вместо соответствующих йотованных букв и приведенных примеров у Щепкина, цитированное Срезневским общее употреб-

ление надстрочной точки за йотованье на имеющихся снимках встречено в следующих случаях:

I. Надстрочная точка:

1. Над буквой е: а. в начале слова – ёдинъ (94), ёже (50), ёмоу (73в, 94), ёсмь (49); б. после гласных в конце и середине слова: архиереї (73в), своёѡ, твоё (127в); в. после мягких согласных л, н, р, и д (или над ними) – йюдеїскы (49в), оучинёнъ (50).

2. Над малым юсом ѡ после гласных и мягких согласных: имѡѡ, творѡтъ (49).

3. Над буквами и как союза и в словах во всех положениях в начале, в конце и в середине слов и над о в предлоге одъ и во всех положениях в словах, так же как и над и.

4. Над буквой оу для обозначения долготы.

5. Над твёрдым ером в конце слов после ж и ш: нашъ (50).

6. Над буквой а: на, ненавидѡї (127в.)

II. Лук открытый кверху [˘]

1. Над буквой и – союзом 29 раз; в начале слова 13 раз.

2. Над буквой о в начале слова 7 раз.

3. Над буквой е: хранѡтъ ѣ (ак. пл.) (49в), ёмоу (134).

III. Лук повёрнутый вниз [˘]: ёстъ, идёже (73в).

IV. Апостроф открытый направо [˘] :

1. Для обозначения йотации: над гласными в начале слова 13 раз; в поствокальном положении в середине или в конце слова 7 раз – альтернатива с надстрочной точкой.

2. Над малым юсом ѡ в конце слов: боѡщѡѡ мрътвыѡ (134).

3. Над буквами и и о в тех же положениях как и с надстрочной точкой 6 + 3 раза.

V. Апостроф угловой формы открытый направо < , как альтернатива надстрочной точки в примерах: егоже, ест (73в). идеже (73), имоуцюмоу (74), погыбъшѡѡ (29).

VI. Горизонтальная чёрточка, для обозначения долготы два раза над союзом —и (50) и в слове благо—изволи (142в).

Обилие альтернативы различных знаков с одинаковым функциональным значением указывает на факт смешения двух или трёх систем надстрочных грамматических нотаций. При этом числовое соотношение указывает на основную традицию охридско-македонскую систему с употреблением точки для обозначения йотации

гласных и палатализации нескольких согласных, которые должны было бы выговариваться мягко (что отразилось и в Новг. л.), тогда как апострофы или луки повёрнутые вправо или влево характерны для преславской школы. Заслуживает внимание и альтернатива знаков долготы – горизонтальный лук открытый кверху, над долгими гласными, угловое покрытие над контрагированными гласными и горизонтальная чёрточка фиксированные в системе глаголической нотации Кирилла Философа.

VII. Знак вариации-гравис является в тексте только в значении логического акцента в отношении к содержанию для привлечения внимания к словам Христа или в связи с ними; Щепкин его вообще выпускает, но ясно виден на снимках в „Обозрении“ П. Лаврова. Так на листе 94 в беседа Христа с учениками на Тайной вечери: над словом *аминъ*, в начале фразы „*ѣдинъ отъ васъ прѣдаст ма*“ и над словом *азъ* в апостолских вопросах „*ѣда азъ есмь Гй*“. Затем на лист 127 о человеческом смятении Христа в связи с предстоящей мученической смертью, где Христос обращается к Богу отцу с вопросом, не освободил бы его от этого часа и с признанием „*сега ради придъ на годинъ сиѣ*“, заканчивая это молитвой „*оне прослави има твоє...*“ – на это послышался божественный ответ „*прославихъ и паки прославлѣ народъ же стої*“. Приведенные знаки – апостроф влево над словом *годинъ*, вариация над словом *прославихъ*, и вертикальная чёрточка над словом *народъ* – могли бы иметь объяснение как знаки внимания в связи с глубоким религиозным чувством текста.

В противоположность этому, знаки оксии и вариации в Новг. л. в нескольких местах стоят только в значении экфонетических знаков для повышения или понижения интонации при чтении текста.

III. Супрасльская рукопись

Супрасльская рукопись получила своё название по истоименному монастырю вблизи г. Белостока в западной России находившегося в XIX в. в Гродненской губернии, а теперь в Польше, где её в 1823 г. открыл профессор М. Бобровский. По содержанию представляет чти-минею за март месяц, первую часть которой составляют „Мученические повести“ (мартирологии), а вторую проповеди отцов церкви (хомиляр). В данное время памятник разделён на 3 части: первая часть, в 118 листов посланная в середине XIX столетия Ернею Копитару, после его смерти осталась в Любляне и хра-

няется в тамошней университетской библиотеке; вторая часть в 16 листов была продана хранителю рукописного отделения Публичной библиотеки в Ленинграде А. Ф. Бычкову, после смерти которого перешла в собственность его сына И. А. Бычкова и теперь хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде; а третья часть в 151 лист – в библиотеке графов Замойских в Варшаве.

Вся рукопись первоначально была издана 1851 г. Фр. Миклошичем в Вене под названием „*Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi*“. Второе издание было выполнено С. Н. Северяновым и вышло в издании „Памятников старославянского языка“ кн. II. *Codex suprasliensis*, Спб 1904, и фототипически Айцетмюлером в Граце 1956 г. Третье, фототипическое издание, подготовленное Йорданом Заимовым издание, подготовленное Йорданом Заимовым с помощью Марио Капалдо, вышла в двух томах в издании БАН в Софии в 1982 г. под названием „Супрасълски или Ретков сборник“.

Рукопись не сохранилась в целости: кроме начала и нескольких листов из середины недостаёт и конец рукописи. Мартирологий содержит жития мучеников 4-31 марта; хомиляр – проповеди Йоанна Златоустого и др. проповедников на воскресные евангелия конца великостного цикла и начала Пасхального круга в течение месяца марта. На стр. 207 находится древняя запись „гї помилоѹи Ретъка, амин“, которого Заимов считает главным писцом сборника. Вся рукопис писана одной рукой кроме двух коротких отрывков из 22-х строк – на листах 129-30 и 131-9-20 вторая рука; третьей руке принадлежит текст на листах 218-8 до 218-16 где Лавров находит ряд различий в правописании. „В этом почерке преобладает њ, пишется ы, нет ѳ, есть только ѡ в той его форме, которую находим в Хиландарских листках“ (стр. 38). Начиная от Востокова (1825) все учёные слависты ставили этот текст в XI век до Маргулиеса, который в своём труде „*Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis, Heidelberg, 1927*“ на основании глубокого палеографического, орфографически-языкового анализа пришёл к выводу о необходимости его перенесения в X столетие. Аргументация Маргулиеса заставила меня в „Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо, Скопје 1966, табл. II“ передвинуть датировку данной рукописи в период Самуила, конец X, начало XI века. Нужно подчеркнуть, что и в посмертном издании „Русской палеографии“ В. Н. Щепкина (Москва 1968), под редакцией его дочери М. В. Щепкиной, она считала нужным по отношению к Саввиной книге и Супрасльской рукописи привести и вероятность датировки периодом древнее XI века. И. Заимов, соглашаясь с возможностью датировки дан-

ных памятников XI-м веком, учитывая элинизацию славянского богослужения в Болгарии в период византийского владычества в XI веке, склоняется к вероятности более ранней датировки.

И. Добрев в статье „Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на старобългарските богослужбени книги“ (Български език, год. XXVIII, София, 1978, стр. 89-98) доказывает, что этот сборник возник в эпоху редакции царя Симеона на славянизации богослужбных книг, в начале X столетия, систематически заменявшей греческую богослужебную терминологию славянскими выражениями. Между тем эта редакция засвидетельствована лишь в рамках мартиролога, тогда как в хомиляре копирован текст ещё предшествовавшей моравской, Кирилло-Мефодиевской редакции. Считая это доказанным считаю возможным утверждать, что сохранившийся текст представляет македонскую копию оригинала прошедшего через Симеонову редакцию мартиролога: схожусь в этом с заключениями И. Срезневского и А. Маргулиеса, с которыми повидимому сходится и Заимов связывающего вероятность происхождения писца Ретка с пределами восточной Македонии. Со своей стороны подчёркиваю сходности архаического правописания Супрасълской рукописи с Саввиной книгой и в ещё большей степени с Новгородскими листками, которые во всяком случае идут в последнюю треть X века. И этот памятник принадлежит к группе древнейших старославянских рукописей, поскольку в его первой части констатирована правильность употребления носовых гласных и вместе с тем смешение еров и твёрдых и мягких слогов, сходное с Новг. л. и Саввиной книгой. С другой стороны нельзя не подчеркнуть во второй части, в отдельных проповедях смешение юсов как между собою, так и чистыми гласными оу, о и ѡ, что напрашивается на предположение о возможности участия в хомиляре русского писца или редактора. Иначе македонское происхождение сохранившегося текста выявляется смешением ѡ и ѡ, полугласников с о и ѡ.

П. А. Лавров (там же, стр. 32-38) обращает внимание на архаизмы в начертаниях и грамматического употребления ряда букв в составе азбуки:

У буквы а мачта наклонена в сторону петли, а эта заострена и обычно доходит до нижней линии.

У буквы б петля пропорциональна величине буквы.

У буквы в нижняя петля больше верхней, но обе соединяются без промежуточного расстояния.

У буквы д левая тонкая черта начинается немного под верхом, а ножки спускаются под строку.

Буква *є* обычно узка и иногда спускается под строку; в йотованной форме передняя *і* несколько ниже соседнего *є* (*іє*).

Буква *ж* – правильной трёхлинейной формы с пересечением в середине вертикальной линии.

У буквы *з* верхняя часть спускается под линию, а хвост тянется вправо до нижней строки.

Зело – в числовом значении *б*, похоже на прописное латинское *z*.

У буквы *и* поперечная чёрточка несколько выше середины, в конце строки обычно *і* (десятеричное) а в начале иностранных слов *і* (с двумя точками).

У буквы *к* крюковая линия отстоит от прямой.

У буквы *л* мачта спускается вправо, а тонкая левая линия начинается немного ниже верха.

У буквы *м* соединительная черта начинается более толстой и закруглением доходит до нижней линии.

У буквы *ы* прямая косая черта идёт от верхнего края левой прямой до нижнего конца правой.

Буква *о* имеет две формы: очень узкое и широкое, обычно в начале слова.

Буква *п* правильной формы, покрытое тонкой чёрточкой.

Буква *р* очень узкая с заострённой головкой.

Буква *с* в середине слова очень узкое, а в начале иногда широкое.

Буква *т* – обычно правильной формы, а иногда края верхней чёрточки спускаются неравномерно.

Буква *оу* составлена от узкого *о* и широкого *у* верхний конец которой кончается закруглением. Иногда вместо *оу* употребляется только *у*.

Буква *ф* обычного вида пересеченная вертикалой; другая форма, как и в греческих рукописях, вместо кружка имеет трёхугольную форму.

Буква *х* – толстая левая черта спускается вправо под линию, а длинная узкая черта пересекает толстую по середине.

У буквы *ц* хвостик обычно с буквой в строке, а иногда спускается под линию.

У буквы *ч* чашечка не глубока.

Буква **ц**, как и в Новг. л. не существует, а употребляется только шт.

ъ и **ь** имеют правильные формы.

Еры обычно с твёрдым знаком с десятеричным **ї**; много реже с мягким ером, а очень редко с восьмеричным **и**.

У буквы **ѣ** мачта не поднимается над строкой, а поперечная чёрточка сразу над петлёй.

Йотованное **а** (**ѧ**) с соединительной чёрточкой на верху.

У буквы **ю** передная йота немного ниже кружочка.

Большой юс и йотованный пишутся правильно.

Малый юс двух видов: обычный после гласных и треугольный после согласных; один раз нашёлся йотованный треугольный **Δ**.

Буква **пси** имеет форму несколько косога креста, в иностранных словах как **псалтир**, **псалом** и др.

Буква **кси** употребляется в иностранных словах: **доуѣ**, **алеѣандръ**.

Ѡ пишется в строке как и в греческих рукописях.

Ипсилон пишется как и в **оу**; в иностранных словах.

У буквы **омеги** обе полукружных линии опускаются заостренно до нижней линии и поднимаются до верхней, где соединяются.

Лавров упоминает и употребление больших видов поднятых кверху у еров, еры, **а**, **ѣ** и иногда у **ука**, обычно в конце слов.

Титла над сокращёнными словами имеют формы горизонтальной чёрточки со загнутыми краями, а над числами только титл.

Как и И. Срезневский, П. Лавров останавливается и на надстрочных знаках. По Лаврову: „Из надстрочных знаков есть дыхания **‘** в начале слова, в конце слова, **^** над **оу**, **ю**, **ѧ**, после мягких согласных для обозначения их мягкости, всего чаще после **л** и **н**, так же после **к** в иностранных словах.

В середине слова между согласными опущение глухого обозначается **^**.“ (там же, стр. 40).

За 46 лет до Лаврова И. Срезневский в своих „Памятниках юсового письма, Спб 1868 г., стр. 31“ писал что в Супрасльской рукописи над буквами встречаются знаки: знак **’** поставленный над глухими гласными **ъ** и **ь** или над согласными, когда твёрдый или мягкий ер выпущены, а точно так же когда выпущена гласная,

которая могла бы следовать за поставленной гласной (цѣсарѣство, прѣво, оуѣвѣнѣти, вѣше);

– знак [˘] или [˘] над согласными л, н, р, г, х, которые должны выговариваться мягко (о ѿемѣ, поѿеже), или над гласными оу, ѡ, ѡж, (оуѡ, ѡсанна, ноштиѡ) для обозначения долготы.

Должен заметить, что и наряду с правильно специфицированной констатацией Срезневского, проблема надстрочных знаков Супрасльской рукописи много сложнее, поскольку из фототипического издания Й. Заимова с очевидностью открывается факт смешения двух одновременно существовавших систем, исторически развившихся и сформировавшихся на соседних областях южнославянских говоров в процессе приспособления неустроенного греческого письма к славянской фонетике.

Во первых необходимо констатировать, что ни Срезневский, ни Лавров не отмечают факта весьма частого употребления точки, которая в большом числе примеров является на каждой странице фототипического издания.

Так на пример в отношении к йотованию начальной гласной ѡ в слове ѡго – ѡго. Цитирую страницы по изданию Заимова: ѡго 256, ѡго 444, ѡго 266, ѡго 302, ѡго же 366.

В похожем примере ѡмоу: ѡмоу; 302, ѡмоу 388, ѡмоу 302, ѡмоу же 458; в слове ѡгда: ѡгда 256, ѡгда 266 (два раза); в словах: ѡѣтъ, ѡже 444, ѡѡ 444.

В середине слова: своѡен 256, нарицаѡмѣ 256, крѡстиѡни (много раз).

За йотованное а: ѡко 366, ѡко 266, ѡко 256 и в конце слова: знаменѡ.

Резюмируя приведенные данные можем утверждать, что оба знака – точка и лук открытый направо употребляются одинаково для одной и той же функции – обозначение йотации гласных. В данном смысле точка систематически является в памятниках охридской школы X века – Саввиной книге и Новгородских листках, часто для обозначения йотации над нейотованными формами, реже над йотованными вариантами тех же слов, как бы в напоминание об уже выполненной функции. В том же значении часто является точка и в Супрасльской рукописи, где йотованье вокала уже осуществлено, наряду с отдельными остатками нейотованных форм. Приходится считать, что указанный паралелизм йотованья точкой и

апострофом возник при македонском переписывании текста Симеоновой редакции созданного преславской школой.

Присоединяю к этим примерам и многочисленные примеры альтернативного употребления точки и апострофа над буквой и, как в роли союза, так и в разных словах в начале, середине и в конце. На странице 15 мартиролога встретились следующие случаи:

И как союз со знаком лука: ѥ За 256, ѥ 366, ѥ 266 (5 раз), и 366 (3 раз), и 256 (5 раз), и 266 (6 раз), и 302, и 444 (2 раза), и За 64, и За 64, и 388 (4 раза), и 458 (4 раза) – итого 2 примера с луками открытыми кверху и книзу и 32 примера с луками открытыми направо.

Союз – и с надстрочной точкой: ѥ 458 (6 раз), ѥ 366, 388 (2 раза) ѥ 444 (2 раза), ѥ За 126, За 180, ѥ 302 (3 раза), 354, 366 (5 раз), ѥ 388 (3 раза) ѥ 458 (6 раз), ѥ 256 (3 раза) – итого 33 раза.

И в начале слова: ѥсааки 383, ѥгоумнѣ 256, ѥже 266, ѥнѣхъ 266, 302, ѥма 444, ѥце 458, ѥистиннааго За 154 – итого 9 раз, С луком открытым вниз в середине слова (ради смягчения буквы к – ѥсааки. С точкой над и в начале слова: ѥли 280, ѥже 302, ѥнописаниѣ 302, ѥжде 302, ѥмѣщѣ 354, ѥна 366, ѥматѣ 458, ѥхъ 126, ѥдѣте 126, ѥмѣште 126 – итого 10 раз.

Если может быть принято моё предположение, что параллелизм луков и точек в Супрасльской рукописи возник при перенесении Симеоновой преславской редакции в рукопись писанную на македонской почве, в том случае наряд с примерами на букву и имеют большое значение и примеры на букву о, в которых можем предполагать совместное употребление прозодийского тяжёлого придыхания в смысле гипотезы Грунского и предположений П. Лаврова.

Буква о с луком направо встречается в примерах: ѥ 366, 388, 444, Пиѥнна 266, Клиѥскаѣра 256, Пиѥниѣ 266, ѥтъ 266, ѥбрати 266, ѥстави 266, ѥславити 302, ѥца 388, ѥтъврѣженѥ 388, ѥтъвѣтъ 444, ѥцоѣ 444, ѥвѣштевати 266, ѥни 126, ѥтъ 126, 64, прѣѥвидѣвѣше 126, ѥ 154, 180, ѥтъврѣгѣше сѣ 180, ѥцѣ 180, 64, Диѥскорѣ 64.

Принимаю, что последняя реформа неустроенного греческого письма претворившая её в литературную кириллицу, была проведена на переломе IX века в X в преславско-охридской школе Симеона Великого. Состояла в систематическом приновлении¹ исторически спонтанно развившегося греческо-славянского алфавита, к

творчески созданной Кириллом глаголице, разумеется, при личном участии последних Кирилло-Мефодиевых „пяточисленников“. Вероятно, протекала параллельно с Симеоновой редакцией богослужебных текстов, систематически заменявших греческую богослужебную терминологию первобытной Моравской редакции домашними славянскими выражениями. В таком случае не была бы невероятной гипотеза, что и формирование преславской системы надстрочных знаков, не прошло без влияния глаголической системы сохранившийся в чешко-моравских Киевских глаголических листках.

Несомненное различие с глаголической системой представляет в Супрасльской рукописи отсутствие прозодических знаков ударения – оксии и вариации (акута и грависа) которые уже в более ранний период были использованы для экфонетической нотации для более важной задачи – повышения и снижения интонации при мелодическом торжественном чтении евангелия, апостола и ветхозаветных отрывков. Из греческого литургического устава перешли и в первобытную экфонетическую нотацию славянских рукописей, как в Новгородские листки с текстом апракосного евангелия последней четверти X в. и в смытый текст под палимпсестом македонской Ресенской триоди той же эпохи.

Между тем многочисленные луки и угловые знаки повёрнутые влево, вправо, вверх или вниз могли бы быть поставлены в связь со знаками придыханий и долготы (циркумфлекса) античной греческой прозодии. При этом следует иметь в виду более значительные функциональные изменения в связи с предшествующей эволюцией кириллической системы надстрочных знаков на южнославянской территории.

В глаголической нотации Киевских листков, как уже упомянуто, лук повёрнутый влево (спиритус ленис) служит для нотации начальных гласных а, е и ѿ способны к йотованию. Между тем, в Супр. р., как мы видели, йотация уже проведена, создав различные варианты, среди которых важную роль сыграла и македонская точка йотации, предоставившая обоим вариантам лука влево возможность употребления для других функций, возникших в связи с Симеоновой редакцией богослужебных книг. Сюда относится проблема развития еров в фонетике южнославянских наречий и проблема пропуска еров в слабой позиции. Лук влево был употреблён в роли „паерка“ для обозначения место выпущенных еров между согласными, как это отметил уже Срезневский.

Лук вправо и лук кверху (спиритус аспер) сохранили свою роль для обозначения гласных не подлежащих йотованию - и, о, -

распространив своё употребление и над другими гласными в начале слова.

Лук открытый книзу (циркумфлекс) служил для обозначения долгих гласных оу, ѡ, ю, ѣ, а так же и над согласными л, н, р, г, к, х, когда они должны были выговариваться мягко, особенно после буквы к в иностранных словах.

Функция обозначения выпущенных еров перешла и в младшие болгарские и македонские тексты, в частности в Болоньскую псалтырь второй четверти XIII в. где эту функцию наряду с апострофами приняла и оксия.

IV. Хиландарские листки

Хиландарские листки, которые в 1844 г. были найдены В.И. Григоровичем в сербском монастыре Хиландаре на Св. Горе и которые теперь хранятся в собрании Григоровича в Университетской библиотеке г. Одессе, под номером 23, представляют два пергаментных листа в „четверку“ с кириллическим текстом в два столбца по 25 строк на странице. По содержанию заключают два отрывка из рукописи „Поучения“ св. Кирилла Йерусалимского – конец III главы о значении таинства крещения и начало IV главы с толкованием послания апостола Павла к Колосянам об обманах врага Христовой церкви – („III – свѣтимъ“ и „IV – просвѣщаемъимъ“).

Как и Новгородские листки, эта рукопись обладает с теми же эпиграфически-орфографическими особенностями, которые оба эти памятника, как южнославянские тексты переносят в X век: абсолютную правильность употребления носовых гласных с одной стороны, и с другой стороны смешение твердых и мягких слогов, проистекающие из явления потери мягких согласных в южнославянских языках. И Хиландарские листки являются македонским текстом, о чем свидетельствует одинаковость произношения ѣ и ја, как и случаи вокализации твердого и мягкого еров с чистыми гласными о и ѡ. Между тем этот текст принадлежит особой диалектной области между македонскими и болгарскими говорами, отличающейся орфографической особенностью в обозначении мягкости выговора согласных л и н (сербское љ и њ) с помощью особого крючка с правой стороны, обозначающего сокращение буквы г в смысле групп лг и нг, так же как и в аналогичном случае смягчения буквы з–зг, из чего развился особый знак дз. Это орфографическое явление, представленное в ряде древнейших

южнославянских рукописей и их русских копий засвидетельствовано и одним эпиграфическим памятником X в. – Темничкой надписью, квадратной плиткой с десятью греческими именами из числа сорока Севастийских мученика, по всей вероятности от некогда существовавшей там церковки посвященной памяти этих святых, как об этом уже упоминалось в первой главе, надпись найдена в окрестности г. Крушева, славившегося своими иконописцами и бывшего в связи с Рилским монастырем, чьи глаголические памятники говорят и об активной роли этого края в древнейшем периоде формирования славянской письменности. Промежуточная македонская кратовская область обнимала некогда и части Егейской Македонии в частности Серскую область, где и до ныне сохраняется палатализация дз, встречающаяся и в Хиландарских листках.

Георги Георгиевски в своем реферате о Хиландарских листках на Скопско-Штипском симпозиуме 1969 год. о Кирилле Солунском посвященном 1100-летию со дня смерти Кирилла Солунского (Зборник „Кирил Солунски II“, МАНУ, Скопие 1970, 67-80) указал на то, что сам Григорович опубликовал текст Хиландарских листков в 1852 году, в статье о древнейших памятниках старославянской литературы, вместе с соответствующим текстом по русской рукописи XVI века и старогреческой рукописи, констатируя, что этот текст является одним из древнейших памятников. В том же году Григорович в Казани, опубликовал свою статью в книге „Статьи, касающиеся древняго славянскаго языка“, где особенно подчеркивает сходство этого памятника с Супрасльской рукописью, считая, что они „непосредственно писанны на месте перевода“.

И.И. Срезневский, обьявивший в 1868 году текст этого памятника в Памятниках юсового письма дополнил неразборчивые и несохранившиеся части текста руководствуясь похожей русской рукописью XII в., в Синодальной библиотеке исторического музея в Москве. Затем, снова был обьявлен текст Ягичем в „Образцах“ 1882 г.

Специальное издание Хил. л. опубликовал С.М. Кульбакин 1900 г. в первом выпуске, первого тома „Памятников ст.сл. языка“ под названием „Хиланд. л., отрывок Кирилловской письменности XI века“ с четырьмя фотоснимками. Два года спустя он же издал ещё одну книгу – „Лексика Хиландарских отрывков“, С. Петербург, 1902 где сравнением славянских слов данного памятника и с греческими из древних текстов и с славянскими и наиболее древними глаголическими и кирилловскими памятниками установил ближайшее сходство с Зогра. ев., и сборником Клотца. В том же году в Ягичевом „Архиве“ В. Вондрак опубликовал статью о Хиландарских листах, сравнивая лексику этого памятника с другими древнейшими руко-

писями, доказывает наибольшую близость Хил. л. с Сав. кн. и с Супрас. рукописью.

Особое значение имела студия Андре Ваяна о переводе проповеди Кирилла Ерусалимского и о славянском языке, где на базе широкого лингвистического и сравнительного исследования, фиксировал два периода в развитии южнослав. письменности – ранний македонский и более поздний – болгарский, помещая перевод Кирилла Ерусалимского в более ранний македонский период в начале X века и приписывая его Константину Брегалничкому на основании записи в Синодальной рукописи XII в., где упоминаются Феодор, закончивший перевод, и Константин, как первоначальный автор перевода.

П.А. Лавров в своем „Обзрении“ на стр. 40 приводит под номером 3 – Хиландарские листки, а в Альбоме 1915 года на таблице 3 дает снимок который повторил и я под тем же номером в Палеографическом Альбоме 1966 г., датируя его концом X – началом XI века.

Ещё Григорович и Срезневский обратили внимание на архаичные следы в азбуке и правописания, которые Лавров и другие дополнили позднейшими исследованиями. Так Лавров указал: „У а петля не доходит до строки;“ у буквы в петли не сходятся, что уже Каминский характеризовал как неизвестную форму, а я указал на поражающие аналогии из X в. О букву є Срезневский ошибочно указал на отсутствие йотованного варианта, но действительно, он встречается только три раза: в начале текста *крьштаѣмымь*, в конце введения к второму поучению – и *прочѣѣ*, и в третьей строке снизу – *навыченѣ*, в остальных случаях употребляет обычное є с точкой сверху.

У буквы з – первое появление варианта с крючком справа для африката дз. Ї десятиричное – только в иностранных словах – *Їсѣ*, *Їорданъ*.

У буквы к отделена правая крючковатая линия. У буквы л имеется второй вариант с крючком справа для обозначения мягкого лг (лъ).

У буквы т концы верхней перекладины несколько опущены.

Буква ч с довольно глубокой чашкой.

Существуют оу и Ѹ (ук); у буквы у тонкая линия не очень длинна.

Буквы ц и ци, опускают хвостик под линию.

шт – только один раз. Еры только с твёрдым знаком; в прилагательных твёрдый знак с и восмиричным.

У малого юса две различные формы – ѡ и ѡ, но с обратным значением в Супрасльской рукописи: треугольная после гласных – единоѡ, подъѡти, а обычная после согласных – крѣсти сѡ.

При фонетической одинаковости произношения ѣ и ѡ, употребление различно: ѡ после гласных, ѣ после согласных.

У в мелком письме, но встречается и в крупном.

На очень плохо сохранившемся оригинале, где и отдельные слова могут быть прочитаны лишь с большим трудом при наличии хорошей палеографической подготовки, надстрочные знаки сохранились очень плохо, и в ряде примеров и в изданиях Срезневского из 1868 года и Кульбакина из 1900 г. передаются различно, очевидно под влиянием тогда уже опубликованных изданий Саввиной книги и Супрас. рук. При жизни Срезневского Хиландарские листки ещё являлись собственностью В.И. Григоровича, который их и сам опубликовал 1852 г. в упомянутой статье „О древнейших памятниках славянской литературы“, и не исключена возможность, что Срезневский и сам мог копировать текст по оригиналу Григоровича. А когда Кульбакин во 1900 году опубликовал своё описание, рукописи В.И. Григоровича уже четверть столетия не было на свете, и издатель вынужден был пользоваться фотографическими снимками, которые вместе с оригиналом хранились в Одесской библиотеке.

От знаков, видимых на снимках могут быть разобранных: 1. точка на многих местах, часто мало заметная в сравнении с более крупными знаками, по чему и Кульбакин и Срезневский вообще их не репродуцировали в своих изданиях, или другие знаки иногда интерпретировали как точку; 2. горизонтальная чёрточка с тенденцией приближения к луку, повернутому вверх или вниз; 3. знак похожий на гравис или акут; 4. апостроф репродуцируемый Срезневским как спиритус ленис или аспер, а у Кульбакина всегда изображаемый как тяжелое придыхание, в двух видах – меньшего и большего размера.

В репродукциях находим точки на 25 местах при чём на отдельных словах находим иногда по две точки, которых ни Срезневский ни кульбакин не приводят в своих изданиях, тогда как Срезневский часто приводит точку в других местах, где на фотографиях видны другие знаки – апостроф или чёрточка.

Что касается функции, точка постоянно употребляется за: а. для йотирования гласных: ёсть—оставленіе, ёдиноѡ; над йотованными гласными: въскръсеніѡ, оученіѡ; б) над второй отъ двойных гласных: течааше, оустроеніемъ; в. над о в словах хобота, побѣда, возможно в связи с омегой; г. над ерами: съ бо корабъ, въ оуствхъ, рассмотривѣлими; д. для смягчения согласных: оживленъ, прѣмъдростіѡ, проченъ, пшеница, избличаемъ, почитаниѡ, оученіѡ; е. над одной из двух соседних согласных, а иногда между ними: пожрътоу, змиемъ, оумрътвивъ, прѣобразоуетъса, влъци, пожръти, правыѡ, приатъно.

Переходя на знак апострофа или лука необходимо констатировать, что в рукописи существуют при рановидности этого знака: горизонтальная чѣрточка, тоже чѣрточка с тенденцией сходства с грависом и заокругленная чѣрточка, начинающаяся точкой, при чём все три вариации имеют часто одинаковое функциональное значение. Это отражается на различии в воспроизведении данных знаков у обоих издателей – у Срезневского в формах лука повернутого кверху лука направо, лука налево (в смысле паерка), грависа и точки; а у Кульбакина – прямая горизонтальная чѣрточка (в функции лука кверху), закруглённый лук кверху и два типа лука направо, при чём один начинается точкой и напоминает повернутую запятую, а второй имеет более свободный вид. У Срезневского возможно предполагать причиной большее внимание к функциональным различиям (под влиянием изданий Сав. кн. и Супр. рук.), а у Кульбакина очевидное стремление к графической форме оригинала.

Не принимая во внимание графические варианты при наличии следующих функциональных характеристик, предполагаем, что имеется в виду тот-же знак лука кверху в следующих случаях:

а) для обозначения нотации гласных: чтеніе, ёсть, ёда, постухіемъ, избличаемъ, прообразоуетъса, изволеніе, оустроеніимъ, дъвоёго, оученіе, философиѡ, искоушаемъ, благочьстоуетъ, смрътноѡ, крщеніемъ, ещѡ, благодатьноѡ, призываніе, прѣобразоуетъса;

б. над йотированными гласными: крщениѡ, зизанѡ, оуѡдени, дѡвола, почитаниѡ, чьстиѡ, творимаѡ, навъченѡе, ѡко, проченѡ, въкошениѡ, нечьстьѡ;

в. над малым преугольным юсом употребляемым вместо йотированного варианта: оуподобѡѡ, живѡѡѡ, безълобивѡѡ;

II Aa ѝ ногъти	Ср. ѝ ногъти
II Aa безълюбивъѡ	Ср. безълюбивъѡ
II Aa прѣльщѡѡѣ	Ср. прѣльщѡѡѣ
II Aa тълштиймъ	Ср. тълштиймъ
II Ba дъвоѣго	Ср. дъвоѣго
II Ba оучений	Ср. оучений
II Ba каѡ	Ср. каѡ
II Ba ѡ	Ср. ѡ
II Ba ѣсть (прѣтѡжаниѣ)	Ср. ѣсть (прѣтѡжаниѣ)
II Ba прѣтѡжаниѣ	Ср. прѣтѡжаниѣ
II Ba оучениѣ	Ср. оучениѣ
II Ba ѣсть трѣзва	Ср. ѣсть трѣзва

У Срезневского оксия и вариа появляются редко. Так: IAa, р. 1–3 – не оу тѣ врѣмене ѣсть сѣхъ слышати – оксия над дативом личных местоимений тѣ и над указ. местоимением сѣхъ (у К. тѣ... сѣхъ).

I Aa, р. 19-20 – ѡко же лимъ же дѣти причастишасѡ – вариа на йотованном ѡ в ѡко (у К. ѡко без знака ...причастишасѡ).

I Bб, р. 9-11 – образъмъ ѣтеромъ въ водѣ погребенъ – вариа над начальным ѣ в слове ѣтеромъ (у К. етеромъ).

II Aa, р. 14-15 – пшеница мьнимъ бѣти – вариа над первой от двух соседних согласных (у К. пшеница мьнимъ бѣти).

II Аб, р. 7-8 – непокаѡнно к томоу ѡматъ – вариа над первым от двух н (у К. непокаанно).

II Аб, р. 17-18 – одежда ѡмѣе – вариа над начальной буквой ѡ – ѡмѣе (у К. ѡмѣе).

II Ba, р. 14 – пѡжрѣти бѣдемъ – оксия над первой согласной в группе - жрѣ- (у К. без знака).

II Ba, р. 21-22 – сего ради почитаниѡ – вариа над последним йотованным ѡ (у К. почитаниѡ).

II вб, р. 18-19 – прѣтѡжаниѣ правовѣрнѣхъ – вариа над и в конце слова (у К. правовѣрнѣхъ).

V. Листки ундольского

Ни евангелские листки Ундольского не остались без специального обзора ни в рефератах на вышесказанном Скопско-штипском симпозиуме 1969 г., ни в исследованиях опубликованных в скопском сборнике МАНУ „Кирил Солунски 2“, Скопје, 1970, где на стр. 389-403 находим научную статью скопского филолога Веры Антич, данными которой пользуемся в следующем тексте.

Листки В. М. Ундольского, известного литератора и библиофила второй половины прошлого столетия, после его смерти перешли в собственность московского Румянцевского музея и сейчас в составе его собрания под номером 961 хранятся в рукописном отделе библиотеки В. И. Ленина в Москве. Они представляют два пергаментных листка снятых с переплета какой-то рукописи, на которой когда-то были прилеплены для его укрепления, с остатками текста древнего апракосного евангелия. Текст, по 18 строк на странице относится к синаксарной части памятника с литургическими заметками о чтениях на неподвижные праздники от 8(21) ноября до 3(16) декабря и с двумя евангельскими чтениями – на праздник Михаила Архангела 8 ноября (Мт XIII, 24-30 и 36-43 – притча о плевелах) и на день мучении Варвары и Юлиании 3 декабря (Мр V, 24-34 – о исцелении кровотечивой).

И этот памятник очевидно принадлежит группе древнейших рукописей, поскольку с одной стороны имеет совершенно правильное употребление юсов, а с другой стороны свидетельствует о потере палатализации согласных, являясь одноеровым текстом с твердым ером (за исключением слов „ѣсть“ и „Гѣ“ и один раз буквы еры с мягким знаком). Следы остатков архаического правописания состоят в отсутствии йотированных гласных ѣа, ѣе, ѣж, ѣа и слова кси, которую можно было бы ожидать в имени максимилианъ, и, вероятно буквы пси, хотя в тексте и не имеется соответствующего примера.

Этот памятник в собрании В. М. Ундольского привлек к себе внимание И. И. Срезневского, который его изучил и первым опубликовал в своих „Древние славянские памятники юсового письма“, (Пб, 1868, 42-43, текст 194-196, с разночтениями по Ассемановому евангелию, а после этого и в „Очерках собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе“. По Срезневскому опубликовал его и Ватрослав Ягич в своей русской книге „Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности“, Спб, 1882.

По просьбе самого Ундольского архимандрит Амфилохий выполнил для него фотографические снимки этих листков, но они оставались неопубликованными до 1901 г., когда их издал А.И. Яцимирский в брошюре „фотография в применении к славяно-русской палеографии“.

В то-же время листки побудили интерес и других знаменитых славистов Е.Ф. Карского в „Очерках славянской кирилловской палеографии“, Варшава, 1901 г. и в „Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в.“, Варшава, 1901 г., а так-же и В. Н. Щепкина в статье „Листки Ундольского“, Варшава, 1902 г. В этой работе Щепкин специально остановился на проблеме происхождения листков Ундольского в противоположность общего мнения об архаической древности этого памятника, пришел к заключению, что благодаря разштанности системы еров он не мог бы датироваться XI-м веком и должен быть перенесен в XII столетие по аналогии с Добромировым евангелием, что отразилось и в воззрениях некоторых теперешних славистов, в частности Х. Ланта.

Это побудило Карского на создание новой студии о листках Ундольского, которая вышла из печати, как третий выпуск первого тома „Памятников старославянского языка“ в 1904 году. В очень точном текстологическом анализе, в сравнении с Ассемановым, Зографским, Остромировым, Мариинским евангелиями и Саввиной книгой, а также с древнейшими греческими текстами по изданиям Ветстени и Тишендорфа, не был обнаружен соответствующий текст, за исключением Остромирова евангелия по изданию Востокова.

Позднее это получило особое значение в связи с моим открытием об исключительном сходстве Остромирова евангелия со своим оригиналом – Самуиловым евангелием X века, о чем свидетельствуют Новгородские листки – остаток македонского Самуилова кодекса. Это должна была быть кириллическая копия глаголического оригинала кирилловской редакции апракосного евангелия, подобная кодексу, от которого сохранились листки Ундольского. Отстаивая архаичность этой рукописи, Карский возвращается к датировке XI века, с чем позднее согласился и Кульбакин в своей „Охридской рукописи апостола конца XII века“, Български старини III, София, 1907.

Во 1914 году П. А. Лавров, в IV томе Энциклопедии славянской филологии, в „Палеографическом обозрении кирилловского письма“, Петроград 1914, стр. 40-42 (с репродукцией двух листов в Альбоме 1915 года, табл. 4) сделал палеографический анализ листков Ундольского. По Лаврову „особенностью письма листков Ундольского является то что они писаны висячими строками; буквы

пишутся от линии строки вниз“ (так не в греческих минускульных текстах IX-X в. и в древнейших глаголических рукописях В.М.).

„У буквы а петля приходится почти на середине прямой и не опускается на строку; она чаще закруглена, реже угловата.

Петли буквы в сравнительно равномерны и сходятся вместе, как в Супрасльской рукописи.

У буквы д черта, идущая вправо, проведена не от верха левой линии, а начата несколько ниже. Ножки буквы пишутся на одном уровне с другими буквами, а верх буквы наоборот приподнят.

Буква е пишется несколько уже, с наклоном вправо в верхней части и пошире в нижней.

У буквы ж боковые линии, пересекающие среднюю, несколько изогнуты и в концах утолщены.

У буквы з линия головки опущена ниже строки, а значительной величины хвостик загнут вправо и доходит иногда до следующей строки, задевая стоящую внизу букву. Та же буква перечеркнутая титлом, передает звук дз.

Зело в числовом значении пишется обратно з. Оно встретилось в крупном почерке и величиной более других букв.

У и соединительная черточка проведена по середине буквы.

Редко встречается и, только в числах, иначе ї, но и оно редко.

У буквы к далеко от прямой линии отодвинута изогнутая часть буквы.

У буквы л образующие её линии расходятся в самой верхушке буквы.

Буква м начинается тонкой линией, пишется с нажимом линии, образующей перемычку, и оканчивается написанной с нажимом крайней линией. Её нижняя часть шире верхней.

У буквы н соединяющая прямые линии косая чётка проводится от начала первой и к концу второй.

Буква о только узкая; она написана широко только в крупном почерке. Зато пишется очень широкое о в качестве мелкой заглавной буквы в середине строки.

У буквы п прямые линии наклонены влево.

У буквы р широкая головка и тонкий хвостик.

Буква с пишется узкая; широкое с только в значении мелкой прописной буквы, как и о.

У буквы т конец перекладины опускается иногда в одну сторону больше чем в другую.

Буква оу передается обычно так, только раз встретилось Ѹ в середине строки. У у сильно загнута вправо длинная ее линия.

Буква ф пишется с правильным кружком.

У буквы х сильно загнута вправо длинная ее линия, идущая влево и пересекающая короткую по середине.

Буква ц стоит в строке не опуская хвостика; так и в Супрасльской рукописи.

Буква ч имеет закругленную глубокую чашечку.

Буква щ как и ц стоит в строке, не опуская хвостика.

Буквы ѣ и њ пишутся очень правильно. В букве ы і соединено с ѣ тонкой черточкой.

Буква ѣ не выступает вверх сравнительно с другими буквами, но ее перекладина пересекает њ несколько выше петли.

У буквы ж нижние части боковых линий слегка загнуты и написаны с нажимом пера, похоже как у ж.

Соединение полукружий ѿ доходит до самого верха буквы. Буква ѿ пишется часто и в славянских словах.

Буква ѿ встретилась только над строкой.

Надстрочные буквы писаны крупно сравнительно с позднейшим их употреблением. При переносе слова гласная не отделяется от согласной и оттого, когда нет места, целый ряд букв надписанно сверху, как можно видеть на снимке в альбоме. Табл. No 4.

Титло стоит не над одной буквой, а над несколькими. Когда буква выносится под титло, оно имеет форму ^ . Над буквами, обозначающими числа, ставится двойное титло, как из глаголических памятников в Ассемановом евангелии.

Все разновидности титл можно видеть на снимке в альбоме. Кроме точки, которая ставится по середине строки, есть еще различные знаки ∴ ∴ -. Они ставятся при обозначении календарных памятей, при числах, в конце отделов, как можно видеть на снимке. Над гласными нет придыхания, какие постоянно встречаются в Супрасльской рукописи (стр. 40-42).

В упомянутом исследовании о Листках Ундольского из 1970 года, Вера Антич имела возможность, расширить известные данные новыми эпиграфическими открытиями второй половины нашего

века, а также о Енинском апостоле XI века по фототипическому изданию Мирчева и Кодова. Открытия в области южнославянской эпиграфики, привели к новому палеографическому и орфографическому методу, в связи с проблемой потери мягких согласных в южнославянских говорах, как это было показано в упомянутом исследовании О. Неделькович в „Слове“ 17, Загреб 1967 год.

При палеографическом анализе каждой буквы В. Антич, наряду с Остромировым евангелием, часто указывает на соответствующие начерки в древнейших южнославянских рукописях, как Саввина книга, Супрасльская рукопись, Листки Ундольского, которые до сих пор относились к XI веку, а также и на Добромирово евангелие, которое Ягич, вследствие распатанности еровой системы, считал показателем XII века: поскольку по аргументации Ягича – с одной стороны смешение еров не допускало датировку ранее XII столетия, а с другой стороны правильность употребления носовых гласных указывала на эпоху до XIII века. Сходство Листков Ундольского с Енинским апостолом послужило Мирчеву и Кодову поводом к датировке обоих этих памятников началом второй половины XI века.

С палеографической точки зрения, начерки букв в Листках Ундольского очень похожи на буквы Енинского апостола, и на тождественные особенности одноерового правописания без йотированных гласных, без кси, пси, и т.д. Переходя с проблеме смешения еров, и к одноеровым надписям в области эпиграфики, как к результату потери мягких согласных в южнославянских говорах уже во второй четверти X столетия, начиная с Добруджанской надписи 943 года до Самуиловой надписи 993 года и Битольской плиты 1017-18 года, В. Антич приводит их к подтверждению датировки Листков Ундольского и Енинского апостола XI-ым веком, не затрагивая проблемы общей ревизии палеографическо-орфографического критерия древнейших славянских текстов. Все это стало очевидным с моим открытием Новгородских листков, как остатка Самуиловаго евангелия из конца X века, чем переносятся в тот же период упомянутые памятники, начиная с Саввиной книги, Супрасльской рукописи до Енинского апостола и Добромироваго евангелия.

*

О надстрочных знаках в Листках Ундольского, В. Антич сообщает, что они многочисленны, но конкретно останавливается только на вопросе о титлах, приводя несколько встречающихся их видов: простое, двойное, титло с виносными буквами, угловатое титло. Что же касается знаков грамматического характера, то в

сравнении с Саввиной книгой, Супрасльской рукописью, Хиландарскими листками и Новгородскими листками – в Листках Ундольского знаки очень немногочисленны, главным образом встречаются в Христовых толкованиях притчи о плевелах /Мт XIII/, в двух местах эпизода о исцелении кровоточивой, и в четырех местах календарного отдела.

Приводим все сохранившиеся знаки:

МТ. XIII, 25 – приде́ врагъ его – лук, повернутый вправо над конечным е.

28 – в́рагъ члѣкъ то сътвори, – лук повернутый влево на первой из двух соседних согласных.

36 – съкажи намъ притъчъж сиж – точка над р в слове притъчъж.

37 – Ѡвѣщавъ же гб...рече къ нимъ – точка над последней глухой гласной в слово нимъ.

39 – врагъ вѣсѣввы естъ дивволъ – точки над ером в префиксе и над вторым ятем в слове вѣсѣввы; в продолжении жатва конъчина вѣка естъ – точка над естъ для обозначения йотации; а̀ жателе англі сжть – вария над союзом а.

40 – ѣко же оубо плѣвели събиражтъсж и ѡгнемъ съжизажтъса – точка над последнем и в слове плѣвели и точка над последним малым юсом в слове съжизажтъса́ для обозначения долготы юса; тако́ бждетъ въ сконъчение вѣка сего – два лука влево на последнем слоге в слове тако; точка над ером в предлоге въ.

41 – и́ събержтъ Ѡ конъць земља вѣса съблазны – лук влево (или точка) над словом и, две точки над л в слове земља для смягчения; точка над с в слове съблазны.

42 – тоу бжде плачь – черточка или точка над д в слове бжде.

43 – тодга праведъни просвѣтатъса ѣко и слѣнъце – в слове тодга вертикальная черточка над а; в слове праведъни точка на д; в слове просвѣтатъса – точка на первом т; в слове ѣко – лук влево между ѣ и к; в слове слѣнъце – точка на л и ѣ; имѣай оуши слышати да слышитъ – в слове имѣай точка на последнем и; в слове слышати точка на а;

В календарных данных, 15 ноября – гюриа самоны и авива, точка на первом а в слове авива.

18 нoябpя – платона и романа, указание к чтению – си заповѣдаѣ вамъ, в слове заповѣдаѣ точки на первом а, д и ж.

20 нoябpя – максимиѣна, точка на ѣ в значении га.

25 нoябpя – сѣтомоу оѣоу нашемоу климентѣтоу – точка на последнем у в слове нашемоу; в слове климентѣтоу – точка между двумя согласными в евангельских указаниях: си заповѣдаѣ вама, в слове заповѣдаѣ точка на д, в слове вамъ на в, а возможно и на м и ѣ (то же 18 нoябpя).

Мѣѣ декабрь а днѣ – точка вместо пропущенного ера в слове днѣ.

Mr. V, 27 – пришедѣши въ нарѣдѣ съ зади прикоснѣ са – в слове нарѣдѣ (вин. п., ед. чис.) над ѡ лук влево.

28 – глаше бо ѣко аѣе прикоснѣса – в слове аѣе точка над е.

Резюмируя вышеприведенные примеры, можно установить следующие особенности правописания:

ѣ в правильном употреблении: врѣма (1), вѣка (2), жатвѣ (1), плѣвелѣ (5), плѣвелы (1), плѣвели (2), сѣмѣ (4), изѣберѣте (1), имѣли (1), рѣша (3), сѣберѣте (1), сѣважѣте (1), ѡвѣщавѣ (1), по сѣдѣ (1), прѣжде (1);

ѣ в значении га: дѣвола (1), цѣствиѣ (1), неприѣзници (1), ѣ (1), вѣсѣѣ (1), вѣсѣѣвы (2), сѣвѣшоу (1), сѣѣлъ (1), ѣвса (1), ѣко (3);

ѣ – вместо а: сконѣчѣние (1), трѣва (1);

е – в обычном употреблении: земаля (1), жателе (1), село (1), сѣове (2), пещѣ (1), пѣшеница (1), учениц(и) (1), сего (1), вѣстрѣгнете (1), изѣберемѣ (1), оставите (1), приде (1), пришедѣше (1), рекѣ (1), рече (3), скрѣжетѣ (1), сѣжеци (1), сѣпаѣемѣ (1), хоѣеши (1), шедѣше (2), ѡтиде (1), же (9);

ѣ – вместо ѣ: ѣда (1).

е без точки в значении ѣ: беззаконие (1), ѡгнемѣ (1); доброе (3). доброе (1), егда (1), нѣсное (1), его (1), емоу (2), моего (2), своемѣ (2), еси (1), естѣ (4), естѣ (1), посѣлетѣ (1).

ж – в обычном употреблении: вѣ житѣницѣ (1), зѣвома (1), притѣчѣ (2), пѣшеницѣ (2), ѡгнѣж (1), бѣде (1), бѣдетѣ (1), вѣврѣгѣтѣ (1), пристѣплѣше (1), сѣберѣтѣ (1), сѣтѣ (3), отѣкѣдоу (1);

ж – вместо ъж: мож (1), сиж (2), въстрѣзѣще (1), събиражтѣса (1), съжизажтѣса (1).

Таким образом в приведенных примерах находим следующие знаки:

Лук повернутый влево (спиритус ленис) – в значении паерка, для обозначения пропущенных еров: в̑рагъ – на первой из двух соседних согласных, или между ними: в̑рагъ (в двух других случаях слово врагъ без знаков),

Этот же знак над долгими гласными: ѣ̑ко – знак между ѣ и к (в двух других случаях без знака); въ нар̑дъ – лук над омегой; два лука влево на последнем слове так̑̑.

Лук повернутый вправо: (спиритус аспер) - приде́ – на конечном е в третьем лице аориста.

Вария: над союзом ѧ; над конечным а в слове тодѧ.

Точка:

1. Как альтернатива лука влево для обозначения выпущенного ера между двумя согласными Мт XIII, 39 вѣсѣвѣ; 41 съблазны; 43 праведѣни, слѣнѣце 25; XI клименѣтоу, XII днѣ;

2. Для обозначения йотации над долгими слогами: Мт. XIII 39 вѣсѣвѣ; 39 естѣ; 40 съжизажтѣса; 43 просвѣтѣтѣса; XI заповѣдаж. 20. XI максимиѣна; над е вместо ѣ и много других случаев без точки Мт. XIII 39 естѣ.

3. Для смягчения согласных: Мт. XIII 36 притѣж; 41 зѣмѣа, 42 вѣде.

4. Над долгими гласными или слогами: слшати; 25. XI ѣцоу нашемоу; си заповѣдаж; над союзом да, над гласными в начале слов 15. XI ѧвива, 25. XI ѧамѣ.

5. Над конечными гласными и ерами: Мр. V 28 аце, Мт. XIII 40 плѣвелі, 43 имѣаи, Мт XIII 40 вѣ, 25. XI. ѧамѣ.

Не встречаются знаки лук кверху и лук книзу в значении „луков долготы“.

VI. Листок ресенского палимпсеста македонской триоди

Листок с отрывком текста из македонской постной Триоди, хранящийся в болгарской Академии наук, под номером 37, был

принесён в Болгарию из Ресена в 1918 г. священником Димитрием, уступивши его позднее профессору Христу Кодову, который его, в свою очередь, подарил болгарской Академии наук; изучив его 1963 году, этот учёный и описал его в статье „Фрагмент от старобългарски ръкопис с глаголическа приписка“ напечатанный в софийском Сборнике „Климент Охридски“ 1966 г. стр. 121-131, и после трёх лет, в сокращённом виде в „Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската академия на науките“, София 1969, стр. 31-36, с приложением двух фототипических снимков с обеих страниц текста.

Как сообщает Х. Кодов, рукопись, писана на грубом пергаменте, кириллицей упрощённого типа и правописания. Содержит текст „трипеснеца“ из службы в четверг средопостной (крестопоклонной) седмицы. На передней стороне текст имеет 24 строки, на другой стороне – ещё 10 строк, за чем следует рисунок орнамента, под которым стоит надпись глаголицей, чья транскрипция гласит: „По̀пе Дра̀госла̀ве злѣ створишѣ“, а ещё ниже 3 ряда позднейшим кириллическим письмом и правописанием, начало догматика первого гласа из октоиха: „в̀семѝрънѣ славѣ от чѣкѣ̀ по̀зебѣшѣю и владѣ̀ рожѣ̀шѣю̀ небеснѣю̀ (дврѣ)̀ выпоем сѣ̀тъоу̀ ма̀рию̀ (дѣ̀вѣ̀)“.

Кирилский текст Триоди одноеровский с мягким ером, с архаическими особенностями в азбуке и правописании, но с правильным употреблением носовых (только с двумя примерами перехода малого юса в большой после гласной и буквы ж: прѣ̀дсто̀жцѝмь, прѣ̀длѐжцѝ). По традиционному воззрению Хр. Кодов ставит его в конец XI века, но судя по эпиграфическому палеографско-орфографическому критерию потери мягкости согласных при правильном употреблении носовых, в связи с архаическими особенностями азбуки, следует его перенести в X столетие, вероятно в его вторую четверть.

Как уже упомянуто, текст одюеровый, без случая употребления твёрдого ера, но со следами его вокализации ѣ>о в сильной позиции – во вса вѣ̀ки, и в вокализации буквы ѣ в ои: вои вместо вѣ̀, что Кодов ставит в связь с аналогичным примером в Зографском евангелии, Синайской псалтири, Саввиной книге, приписывая это влиянию солунского диалекта (дѣ̀белой, ѐднѣ̀), тогда как еру обычно заменяется буквой и.

Нет йотированных гласных, ни ѣ, вместо которого употребляется буква ѣ̀ или обычное а; ни ю вместо которого обычно стоит

€; ни йотированных юсов (возможно с двумя примерами йотированного большого юса с чёрточкой впереди в примерах чьстьѣ л. А 24 и рѣцѣ , л. Б 2, в позиции где не ожидался бы большой йотованный юс). Нет буквы ю, ни греческих букв □□□□□ а так же ї и афrikата ѣ (хотя при этом можно бы принимать во внимание и краткость отрывка).

Что касается правописания Кодов обращает внимание на стяжение форм сложных прилагательных и причастий: кръстьни, лѣжави, так и на постоянно употребление эпентетического л: зѣмьлѣ.

Особое внимание Кодов посвящает употреблению экфонетических знаков между строчками, написанных красными чернилами, где он находит оксию, варию, двойную варию, апостроф, катисти, апезо-эксо и телию, которые ему удалось восстановить с помощью инфра-красной фотографии. Следует отметить что в греческих рукописях экфонетические знаки употреблялись только в текстах Св. Писания – для отчетливого и выразительного чтения евангелия, апостола и ветхо-заветных отрывков в паремиях, тогда как триод относится к певческим книгам. Из этого можно было бы заключить, что смытый текст на данном палимпсесте был по составу апостольский или евангелский и можно поставить вопрос не было ли наличие этих знаков причиной отсутствия прозодических? Это особенно подчёркивает Кодов, утверждая, что в данной рукописи „нет никаких надстрочных знаков - ни акцентов, ни спиритусов“; существуют только знаки сокращения – титла, которая употребляется безразлично: с одной стороны встречаются сокращённые слова над строчкой без титла, а с другой стороны не редки явления титла без сокращения. Как знаки препинания встречается двоеточие, без всякого синтаксического значения“.

Что касается архаических форм азбуки следует подчеркнуть:

Буква а – с остроугольной петлёй;

буквы б, в, ѣ, ѣ и р – угловатая форма петли;

перекладина в слове и не точно по середине; у буквы м маленькие горизонтальные чёрточки верхней части, создающие широкоплечие;

у букв ѣ, ц а иногда и у з хвосты закруглены влево, чтобы не касаться нижней строки;

у буквы х одна черта идёт прямо вниз, а вторая обвивает первую;

особенно характерна форма буквы ч с чашечкой квадратной формы, архаического типа, похоже на ту же букву в Энинском апостоле;

у большого юса поперечная чёрточка точно в середине, а вертикальная линия спускается из пересечения боковых;

у малого юса отсечён верхний уголок и нижняя часть напоминает букву д;

мачта у буквы ѣ не подымается над строкой; характерна форма Ѹ с отделённой верхней частью и нижними о; лигатуры не встречаются.

Нет красных инициалов; начальные буквы украшаются двойными линиями (I 22).

При реконструкции текста Кодов особенно подчёркивает многочисленные неправильности, во многих местах делающие текст непонятным. Приводим начало текста: ТриѠ: гла ѿ: На вѣжимъ страсти прѣстожцимъ: дарѣи намъ бѣлагост: сѣти крѣте апѣломъ похвало: и оутврѣжение сѣти крѣте: прѣлежци на поклонение днѣсь: въсеи вселеннои: поѣтнимъ врѣменемъ оубѣлажи на:

Сравнение текста Ресенского отрывка с одной стороны с болгарскими рукописями XIV-XV вв. (которые ближе к греческим триодям), а с другой стороны с македонской Орбельской триодью и с одной копией из XIII века происходящим из г. Битоля, а теперь находится в Пловдивской библиотеке (Описание рукописи Пловдивской библиотеки от Б. Цонева, София, 1920, No 57, стр. 37-38) приводит Кодова к заключению о большем сходстве Ресенского с Орбельским текстом, который по его мнению, идет от Климента Охридского. На основании сообщения Хоматияна в кратком житии Климента что последний перед смертью перевел и „остальную часть триоди от Фоминой недели до Пятидесятницы, которая раньше осталась неперевередённой“, Кодов доказывает, что перевод целой Триоди был выполнен самим Климентом Охридским.

При палеографическом анализе глаголической записи „Попа Драгославе злѣ створишѣ“ Кодов с одной стороны констатирует округлый тип глаголицы, возникший в Македонии (как в Зографском, Мариинском и Асемановом евангелиях), а с другой стороны обращает внимание для отдельных слов на угловатую Моравской эпохи (как в Киевских листах, Пражских и Венских отрывках), и в связи с этим указывает на пропуск еров в слабой позиции и на форму глагола 2 л. настоящего времени створишѣ вместо створиши.

Всё это говорит о хронологической близости происхождения Ресенского отрывка историческому факту перехода учеников Кирилла и Мефодия на Балканы после смерти Мефодия в 885 году и подкрепляет мою гипотезу о датировке этого памятника второй четвертью X столетия, а не XI-ым веком, как предполагал Кодов.

VII. Македонский листок

Наряду с группой одноеровыми текстами только с твёрдым ером, которая представлена листками Ундольского и Энинским апостолом, а также и эпиграфическим памятником, противубогомильской надписью монаха Анании, из второй четверти X века, открытой в 1947 г. в развалинах крепости Эскуса при впадении реки Искера в Дунай (И. Гошев, обр. 71) существует и группа с мягким ером. Сюда Г.А. Ильинский ставил Македонский кириллический листок, который в то время считал „уникумом“, поскольку тогда ещё не были открыты южнославянские эпиграфические памятники X-XI вв., в частности Добруджанская надпись 943 г. (И. Гошев, обр. 70) и Преславская надпись Павла Хартофилакса из последней четверти того же века (Гошев, обр. 75). Эти памятники вызывают известные недоверия к датировке Македонского листка концом XI – началом XII века, как это (по Фортунатову) приводит Ильинский в своём описании 1906 года.

Македонский листок – остаток пергаментного листа, 27 x 21 см., с оторванной верхней четвертью, по 30 строк на странице, с текстом уставного наклонённого вправо письма, найден в Македонии А.Ф. Гильфердингом, подарившим его И. И. Срезневскому. Последний опубликовал его в „Известиях археологического общества“, 1863 г., т. V, стр. 66-68, откуда 2 раза перепечатан, второй раз в „Древних памятниках носового письма“ 1868 г, стр. 192-193 и 39-42. В вводных заметках о письме и правописаний памятника он отметил факт большой правильности употребления юсов (только два примера альтернации ж > оу в словах ноужда и дьрзноу) при одноеровом тексте и других архаических особенностях азбуки и правописания. Что касается содержания, констатировал, что данный текст представляет отрывок сочинения о способе переводов греческих богословских текстов на старославянский язык, приводя при этом аналогичный отрывок из предисловия Иоанна Экзарха болгарского к переводу богословии Иоанна Дамаскина. Это было использовано В. Ягичем в „Рассуждениях южнославянской и русской старины о церковнославянском языке“ (репринт в Мюнхене).

После смерти И.И. Срезневского, листок вместе с остальным собранием древних текстов перешел в собственность Библиотеки Академии наук в Петербурге, где его Г.А. Ильинский в 1905 году открыл с помощью В.И. Срезневского, сына покойного слависта под номером 63.

Второе издание Македонского листка принадлежит Г.А. Ильинскому как шестой выпуск издания „Памятники старославянского языка“ под заглавием „Македонский листок отрывок неизвестного памятника кирилловской письменности XI-XII вв.“, Спб. 1906 г. Приводя в начале 20 примеров неправильно прочитанных Срезневским, автор публикует правильный текст с примечанием, что неясные места встречаются на каждой строке плохо сохранившегося памятника. После исследования о палеографических и лингвистических особенностях автор даёт студию о историко-литературном происхождении памятника, приводя за тем параллельные тексты, Македонского листка и соответствующих частей из предисловия Иоанна Экзарха к переводу Дамаскиновой богословии, со словарём текста в конце. При сравнении текстов, наряду с фактами рабского копирования, указывает и на случаи свободного пересказа, а так же и на редакторские изменения, как на пр. в замене примера *ватраxос* - жаба словами *звезда* - *астир*. В связи с этим приводит и сообщённое ему письмом мнение Н. К. Никольского о том, что содержание текста может относиться на ряду толкований евангелия как в толкованиях пророка у Упыря Лихого и др.

Фр. В. Мареш в своей недавней работе посвященной историко-литературному анализу Македонского листка „Потеклото на текстот на македонското кирилско ливче“, напечатанной в загребском „Слове“, ном. 32-33, 1983 г. сообщает, что после Г.А. Ильинского этот памятник был опубликован ещё 2 раза – М. Вайнгартом в Праге в 1949 г. и А. Минчевой в Софии в 1978 г. Подробнее автор останавливается на новом освящении вопроса А. Вайаном в статье вышедшей в Париже, в журнале RES 24, стр. 5-20, в 1948 г., где сравнительным анализом Македонского листка с предисловием Иоанна Экзарха к переводу „Богословии“ Иоанна Дамаскина приходит к выводу, что в данном случае имелась ввиду инструкция составленная в Моравии Кириллом Философом о себе перевода всего Нового Завета. Это было принято Хоралекком (1956), И. Вашицей (1966), Ф. Славским (1970), К. Тростом (1973), А.Е. Наумовим (1975) и А. Минчевой (1978). так же как и в дух последних статей А. Минчевой и И. Добрева (1981) в Софии в сборнике „Старобългарска литература“, 9, где оба автора при-

писывают памятник преславской школе – Минчева Константину Преславскому, а Добрев Иоанну Экзарху.

К совершенно новому решению приходит Фр. Мареш в упомянутой статье, где анализ лексических данных устанавливает факт, что все характерные выражения встречающиеся в Македонском листке находятся и в последних главах Апокалипсы Иоанна Богослова которым закончивается Новый Завет и приходит к заключению, что текст Македонского листка представляет остаток Мефодиева Послесловия к прерводу всего Нового Завета или Библии: „Преславская версия у Иоанна Экзарха точнее сохранила первобытный текст, а Охридская версия (Македонский л.) представляет сознательную творческую редакцию, выполненную в славном охридском центре древней славянской письменности“.

Возвращаясь к проблематике палеографическо-лингвистического анализа, напомним, что Г.А. Ильинский подчеркивает две особенности Македонского Кирилловского листка, имеющих существенное значение:

I. что Македонский листок переписан с глаголического оригинала, как о том свидетельствуют два сохранившихся глаголических инициала в тексте, и ещё одно косвенное доказательство в вероятной ошибке кириллического текста вследствие неясности глаголической формы.

II. отсутствие употребления твердого ера, что автор считает исключительной особенностью среди старославянских текстов, приводя только один схожий пример в русской копии „Златоструя“ XI в. в собрании И.А. Бычкова. Между тем мнение об исключительности одноеровых текстов с мягким ером, как уже упомянуто, отвергнуто цитированными эпиграфическими открытиями второй половины нашего века – Добруджанской надписью 943 г., надписью Павла Хартофилакса, а и надписью на гробнице Тудоры, если об этом можно судить по двум примерам еры с мягким знаком.

Это, как заметила О. Неделькович, – древнейшая форма эволюции глаголического мягкого ера, первобытная форма которого записана на кириллических графитах Преславской круглой церкви из 893 г. и в других записях из первой четверти X столетия (см. И. Гошев, стр. 46, 47, 59, 61, 62).

Сравнивая Макед. листок с одноеровыми листками Ундольского, и повторяя тогдашнее воззрение об относительно младшем происхождении последних, Ильинский приходит к заключению, что Мак. листок не много старше листков Ундольского; это тем удивительнее, что сам автор повторяет все архаические особенности текста, на которые уже обратил внимание И. Срезневский, ука-

зывая, что буквы Мак. листка более всего похоже на буквы Саввиной книги и Супрасльской рукописи; что в Мак. л. нет ни одного случая употребления твёрдого ера, даже ни в букве еры (ы); нет ни одного случая употребления і, а только и; ни одного случая употребления омеги, которая является во всех старославянских рукописях; ни одного случая употребления цѣ, а только шт, как и в Супр. рук. и в Новг. листках; что треугольный малый юс (Δ) употребляется и после гласных и после согласных; что по Соболевскому, означает типичную черту македонских текстов; ѡ встречается только один раз - чѣтѡи (по Ильинскому – 2 раза чѣтѡи, тѡ); йотированье с помощью ѣ только для двух букв – ѣе и ѣж; йотированного ѡ нет, поскольку вместо ѡ постоянно употребляется ѡ.

Нужно подчеркнуть двойное употребление букв р и л с полугласником: по старославянской и праславянской норме как ѣр и ѣл и по южнославянской с мягким знаком после р и л (грѣьскы, дѣльжаѣе. – вѣрѣхъ, пѣлти.)

В рамках палеографического анализа отдельных букв следует наблюдения Ильинского дополнить показаниями П. Лаврова (Обозр., стр. 42-43).

У буквы а левая сторона достаточно развита как в Супрасльской рукописи и в известной степени в Хиландарских листках.

У буквы б верхняя часть продолжается вправо, далее от нижней петли.

У буквы д ножки спускаются под строку.

У буквы е средняя горизонтальная черточка как и в отрывках Ундольского, толще.

У буквы ж верхняя концы боковых линий с утолщением (Лавр.).

Обычное з, как в Саввиной книге с закругленным хвостом.

Эта же буква в значении дзело имеет крючок справа, как в Хиландарских листках (Лавр.)

У буквы к правая угловатая линия удалена от мачты.

У буквы м закруглённая петля опускается до нижней линии.

Существует только о, а омега не встречается (Лавр.).

Только оу, нет ѡ (Лавр.).

Буква х пишется с легким загибом вверху, линии пересекаются иногда выше конца строки; линия, идущая вправо, короче идущей влево тонкой линии и не опущена далеко вниз (Лавр.).

Буква ц стоит в строке, не опуская хвостика, как и в Супр. рукописи (Лавр.)

Буква ч имеет форму чаши (Лавр.).

Один раз встречается буква кси (Лавр.).

Хотя Ильинский утверждает, что данный памятник не имеет надстрочных знаков, моя сотрудница Рита Лозинская, отметила по фотоснимкам следующие случаи употребления таких знаков, которые все же свидетельствуют о традиции функциональных различий их употребления. Таковы: л. 1а р.2... ...ѣди жд тѣ сѣтъ въсѣмь прѣъ; р.4. ::: върхъ; р. 9 ѡлеѡандрыскъ; р.10... зьловѣрьни отьѣѣгати; р. 11... ѡсповѣдажтъ; р.17... приложити; р.18... ѡште и хоѡде са ѣѣде ѡбрѡштеть приложено; р. 9... разоѡмѣють; р.20... ѡ нѣ дьрзостиж ни смѣниѣмь; р.21 кто же толъ; р.22evʹ...; р.24 глаголы; р.26 ... слѡвѣньскы; р.29 небо равъ.

л. 1в р.3... красънь; р.6... женьско; р. 7 ... слѡвѣ; р.8... гръчьскы; р. 11... сѣ прид...; р.13... небо; р.15... вѡ; р. 18... ...обрѣтають; р.19... дроѡгоици... слѡво; р.26 оѡченикъ; р.28... ѣнь; р.30... тѣ.

При всей малочисленности, слабой сохранности, а иногда и неопределенной формы знаков, все же выделяем несколько знаков с различными функциями:

1. Точка для йотирования гласных;
 - для смягчения согласных;
 - над долгими оѡ, ѡ, ѣ;
 - над и в начале и середине слова.
2. Апостроф влево над начальной гласной и в середине слова.
3. Лук кверху над ером между двумя согласными и над ѡ.
4. Лук книзу над долгим ы и над ером между согласными.
5. Акут – один раз над союзом и на стыке двух согласных.

VIII. Зографские листки

Как последний памятник старославянской архаической письменности приводим Зографские листки – дошедшие до нас в весьма плохом состоянии, и опубликованные в парижском издании П. Лаврова и М. Долобко в 1926 г. Это два листа пергамента, которые нашел П. Лавров в 1906 в году в шкафу библиотеки Зографского монастыря на Афоне, а позднее получил фотоснимки трех страниц памятника (вместо листа 1а, по ошибке снят два раза л. 2а). По этим фотоснимкам автору удалось рассчитать полученный

текст, представляющий отрывок проповеди монастырской братии о необходимости взаимной моральной помощи, а также констатировать, что памятник является отрывком очень древней рукописи.

В вводной статье упомянутого издания, Лавров дал детальное палеографическое описание, а Долобко прекрасную студию о языке памятника.

Приводя азбуку Зографских листков Лавров отмечает отсутствие букв ѕ или ѕ, і, ф, ц, љ, га, ѓ, џ, Ѡ, ѡ и ѣ (ипсилон). В числовом значении букву ѕ заменяет буква земля с четочкой вправо; вместо і – и, вместо љ – обычное љ. Также указывается отсутствие обычной графема ѡ, которую замена - ' и ѡ. Первый употребляется после согласных, а второй вместо йотированного малого юса после гласных. В случае большого юса, также встречаются две формы – предпалатальный о постпалатальный варианты, наряду с третьей формой – йотированного большого юса. В тексте встречается йотированная форма малого и большого юса, но не встречаются йотированные формы љ и ѡ. Буква еры всегда пишется с малым ером, как и в Македонских листках. Формы букв архаичны. Петля буквы ѡ заострена и висит над нижней линией. Петля у ѡ в нижней части, меньшего размера и прижата к мачте. У в петли разъединены и нижняя гораздо больше верхней, как в Новгородских листках. У буквы д ножки спущены под линию. Буква љ – очень узкая. У буквы ж три линии пересекаются в середине, а тонкая косая идущая вправо, на верху утолщается. У буквы з квостик закругляется вправо. Буква ѓ с черточкой вправо обозначает звук дз, как в Хил. л. У буквы и поперечная черточка выше середины буквы.

У буквы к крючковатая линия отделена от мачты, как в Новг. л. и Сав. кн. Соединительный лук буквы м – тонкий и спускается до линии. У буквы н косая соединительная черта идет от верхнего конца левой линии до нижнего конца правой. У буквы р прямая спускается немного под линию. У т крючковатые концы пересладины симметричны. Буква оу похожа на начерки в Супр. рук., где у очень широкое, а иногда появляется только ѣ без о. У буквы х косая черточка идущая слева вниз не переходит через линию, а другая, по-тоньше переходит. У ц хвостик правой прямой идет под линию. Чаша у буквы ч глубокая как в Сав. кн. Буква ш

обычной формы. У еров и у ѣ петля несколько прижата, как и в гругих древнейших рукописях. У ѣ прямая не поднимается над строкой. Буква ю обычной формы.

Надстроченные знаки редки, но часто встречаются точки, находящиеся между буквами или над ними.

Со своей стороны могу прибавить, что точки употребляются, главным образом, для обозначения йотации в следующих случаях:

1. Над е в начеле слова и в поствокальной позиции: прѣдѣлѣжаштѣеѣ, събываѣтъ сѣ, бѣдрливоѣ, вѣтороѣ, довольноеѣ, неброженіемь, милосръдноѣ, оудноѣ, ёлма, трѣбованіе, благоиспытаніе, мльчание, ёсть; над малым юсом: ...азыка, божиа, таковыа, братиа, великыа; и один раз над ю: очію.

2. Над еры для смягчения предшествующей согласной н: выношнѣихъ, вьнѣшьнѣи, прочнѣихъ.

3. Над гласной в начале слова: ...аштѣ; два раза над предлогом о.

4. Над союзом и (семь раз) и в начале, середине и конце слова: ...иджштоу, йштѣтъ, ѣли (3 раза), ...ими, прочнѣихъ, исходаштѣи.

Титло имеет форму тонкой черточки с загнутыми краями.

Лавров, указывая, что ему удалось найти соответствующий текст – ни греческий, ни славянский все же обнаруживает в нем две евангельские цитаты: Мт, XII, 50 и Мр, III, 35 и две цитаты из посланий апостола Павла – II Коринфяном VI, 1 и Ефесеям IV, 1, которые имеют аналогии в древнейших евангелиях – Зографском, Мариинском и в апостолах Охридском, Слѣпченском, шишатовском, также как и в Синайской Евхологии.

В отношении лексики Лавров приводит из Зографских листков ряд очень древних слов, особо подчеркивая при этом выражения карактерные для болгарских текстов Симеоновой редакции.

Все это приводит его к заключению о глубокой древности памятника, ввиду правильного употребления носовых гласных, еров – с чем вполне соглашается и Е. Долобко в своем исследовании о языке Зографских листков, подчеркивая при этом факт, что употребление групп жд, шт, дз в связи с еры, ѣ и архаизмами в морфологии свидетельствует о древнейшем болгарском диалекте.

Со своей стороны, указывая на правильное употребление носовых и еров, считаю этот памятник древнейшим в группе архаичных старославянских текстов и хронологически отношу его к пер-

вой половине X столетия, когда процесс потери палатальности, еще не привел к смешению твердых и мягких слогов.

¹ В. Мошин, Новгородски листићи и Остромирово јеванђеље, – Археографски прилози 5, Београд, 1983, стр. 7-64.

² V. Jagić, *Evangelium Dobromiri, Ein altmacedonisches Denkmal der Kirchenslavischen Sprache des XII jahrkund. I-II*, 1898 (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, + CXXXVIII, CXL); В.Н.Щепкин, Разсуждения о языке Саввиной книги, СПб, 1899; /второе издание в Сборнике отд. рус. яз. и слов. АН., т. LXVII, СПб, 1899/; Н.М. Каринский-Остромирово евангелие как памятник древне-русского языка, СПб, Отт. из ЖМНПр. 1903; он же, Образцы письма древнейшего периода истории русской книги, Ленинград, 1925; Ф.Ф.Фортунатов, Старославянское ть в 3-м лице глаголов, Оттиск из ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 2, с. 1-44, СПб; тот же, Состав Остромирова евангелия, СПб, 1908 с. 1-64, /Отд. отт. Сборник в честь В.И. Леманского?

³ К. Мирчев и Хр. Кодов, БАН, София, 1965 г.

⁴ В. Иванова, Ст. Станчев, М. Балан, П. Боев, Надписът на Чъргубия Мостич, София, 1955, 43-144; И. Гошев, Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X в., София, 1961, 49-50.

⁵ O. Nedeljković, *Poluglasovi u staroslovenskim epigrafskim spomenicima*, Slovo 17, 1967, 5-34.

⁶ М. Н. Сперанский, Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы/ *Slavia, Praha*, 1928-1929, VII, 515-535.

⁷ П.А. Лавров, Палеографическое обозрение Кирилловского письма, Петроград, 1914, стр. 40.

⁸ Н. К. Грунский, К истории ударений в памятниках древнецерковнославянского языка. -Рус. филол. вестник 1901, том 45, № 1/2, 32-34; Тот же, Киевские глаголические листки. -Уч. зап. Императ. Юрьев. ун-та, 1904, № 5, стр. 1-60; № 6, стр. 1-59; Сб.Учён. -лит. о-ва при Императ. юрьев. ун-те, 1905, том 7 отд. науч., стр. 1-60./ Памятники и вопросы древнеславянской письменности, том I.

⁹ Каминский Н.М. Об ударениях в киевских глаголических отрывках. – ИОРЯС, 1901, том 6, кн 3, стр. 281-289.

¹⁰ Vondrák V. *O původu Kijevských Listů a Pražských zlomků a o bohémismech v starších církevněslovanských památkách vibec.* – Praha, 1904.

¹¹ Mohlberg C. *Il messale glagolitico di Kiev (secolo IX) ed il suo prototipo romano del secolo IV-VII.* – Atti Pontif. Acad. Rom. di archeolog. Ser. 3, Memorie 1928, vol. 2, p. 207-230.

¹² И. И. Срезневский, Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка.СПБ, 1868, стр. 25.